

[Polaris]

Дир Туманный

ВСАДНИКИ
ВЕТРА

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

ССП

Salamandra P.V.V.

**ДИР
ТУМАННЫЙ**

ВСАДНИКИ ВЕТРА

(Двойники)

Роман

Советская авантюрно-фантастическая
проза 1920-х гг.

Том XVII

Salamandra P.V.V.

Туманный Д. (Панов Н. Н.)

Всадники ветра (Двойники): Роман. – (Советская авантюрно-фантастическая проза 1920-х гг. Том XVII). – Б. м.: Salamandra P.V.V., 2017. – 138 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. ССIII).

В новом выпуске серии «Polaris» – авиационно-шпионский роман советского «приключенца» и писателя-мариниста Дира Туманного (Н. Н. Панова) «Всадники ветра (Двойники)», впервые изданный в 1925 г. В романе не обошлось без фантастической составляющей, однако межпланетные перелеты развенчиваются здесь как пустые мечтания, несравнимые с задачей борьбы с международными «фашистами» и постройки советского воздушного флота.

ВСАДНИКИ ВЕТРА

(Двойники)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О тринадцати людях в черном, о городе Медынске и об одном вагонном знакомстве

Зала была пуста. Был пуст круглый стол посредине, затянутый черным сукном, с чернильницей и стопкой бумаги на секретарском месте. Были пусты и строги тринадцать стульев с высокими спинками, симметрично расставленные вокруг.

Дверь отворилась, впуская прямого человека в безукоризненной черной паре. В петлице фрака сверкала многолепестковая чашечка белой розы. Человек прошел к столу и молча занял один из стульев.

Дверь отворилась снова. Второй человек в черном фраке с белой розой в петлице прошел и молча сел рядом.

Оба не двигались. Оба сосредоточенно и важно сидели, слегка облокотившись о спинки стульев.

Снова дверь. Снова человек — черный фрак и белая роза.

Тринадцать раз открывалась дверь. Тринадцать раз...

Когда тринадцатый член собрания занял свое место, наступила краткая тишина. Послышался шелест — человек, вошедший последним, вытянулся во весь рост. Держа в одной руке развернутую телеграмму, он поднял вверх правую правую — затянутую в белую перчатку руку.

Но стоп! Ведя роман в подобном тоне, мы рискуем с первых же строк вскрыть все его содержание. Так не годится. Другой подход, более спокойный и последовательный, нужен в данном случае. Отрывок из статьи П. С. Массонова, члена медынского общества краеведения, с честью заменит первое, слишком откровенное, начало.

— Город Медыньск, — пишет этот уважаемый географ, — принадлежит к числу средних уездных городов СССР. Выстроен на трех горах, имеет много церквей, здания по преимуществу деревянные, не выше второго этажа. Оторванность от главной железнодорожной ветви, экономическая малозначимость и отсутствие обрабатывающей промышленности свели некогда богатый торговый город до уровня полудеревни. Только в последние годы счастливые особенности почвы и богатство лесом привлекли к нему внимание специалистов. Было построено два авиационных завода с аэродромом при них. Это повлекло за собой такой прирост населения и наплыв рабочей силы, что по последним статистическим данным...

Нет! Увязнув в трясине этих данных, читатель рискует совсем не выбраться на твердую землю дальнейших глав. Только поэтому автор позволяет себе снова и в последний раз начать роман по-иному! Золотая середина вагонного путешествия выведет нас из создавшегося странного и неловкого положения.

— Билетики ваши предъявите, граждане! — протяжно повторил очкастый седой контролер. Стоя в распахнутой дверце четырехместного купе, он тщательно прощелкивал картонную пластинку билета.

В купе было только двое пассажиров. На правой нижней полке спала женщина в темном, с лицом, закрытым шалью. На противоположной — молодой человек в новом коричневом костюме, с узкими лакированными носками ботинок, в необыкновенно свежей и тщательно выглаженной рубашке-фантази с темным галстуком, курил короткую трубку. У молодого человека было острое бледное лицо с живыми серыми глазами. Уже с четверть часа он си-

дел в одном и том же положении, молча и внимательно рассматривая спящую соседку.

Ее стройные, затянутые в ажурные чулки ноги почти до колен выступали из-под сбившейся юбки. Четкая линия бедра образовывала упругий холм. Она лежала на боку, одна рука — смуглая, маленькая и тонкая — выступала над краем скамьи. Ее голос был чист и приятен — это знал наблюдатель, еще ночью обменявшийся с ней несколькими фразами. Но лицо... Плотные шелковые складки закрывали верхнюю часть фигуры спящей.

Контролер осторожно притронулся к ступне женщины. Она шевельнулась и разом села на скамье. Контролер про-

Плотные шелковые складки закрывали верхнюю часть фигуры спящей.

верил билет и ушел. Женщина провела рукой по глазам, откинула светлые волосы, обдернула юбку и, краснея под пристальным взглядом, встала и повернулась к окну.

Да, ее лицо вполне соответствовало всей высокой и гибкой фигуре: было оно смуглое, со свежими красными губами, с белой полоской зубов. Большие блестящие голубые глаза ласково смотрели из под светлых ресниц. — Лет двадцать пять, замужняя! — определил молодой человек.

— Простите... Вы не знаете, далеко еще до Медынска? — спросила женщина своим мягким, волнующим голосом.

— До Медынска? Тридцать верст! Меньше чем через час. Я тоже до Медынска! — Он встал, понатужился, до половины спустил тугую раму окна. В вагон ворвался теплый летний воздух.

На минуту замолчали.

Женщина глядела в окно на проносящиеся телеграфные столбы, мокрые поля, группы белых берез. Сосед усиленно пытел трубкой, смотрел ей в затылок, мучительно придумывая продолжение разговора. Спросить, не мешает ли ей дым? — поздно — нужно было раньше. Спросить...

— Скажите, пожалуйста, как там с извозчиками? Далеко вообще вокзал от центра?

Толчок был дан. Разговор завязался.

Нет, она не знает. Она никогда не была еще в этом городе. Кажется, вокзал расположен чуть ли не в самой середине... Она едет к отцу, которого не видела много лет. А товарищ... товарищ...

— Моя фамилия Мак! — привскочил молодой человек. — Александр Ильич Мак! То есть, конечно, не Мак, а Максимов по-настоящему, — улыбнулся он, — видите ли, я газетный работник. Это мой псевдоним. По привычке — вторая фамилия. А ваша, если позволите...

— Нина Павловна Добротворская, — молодая женщина была, очевидно, не недовольна разговорчивостью собеседника, — мой отец Добротворский, профессор... Может быть, вы слышали?

Из вежливости Мак подумал несколько секунд, строго морща редкие брови. Потом отрицательно качнул головой.

— Не слышали? Как же... Мне говорили, что он довольно известен... в специальных кругах, конечно. Видите — он

изобретатель, авиаконструктор, как они говорят. У него есть несколько работ. Но, может быть, вам...

— Нет-нет, продолжайте. Мне очень интересно!

— Он специалист по постройке аэропланов крыльев «и вообще разных таких вещей. Но его заветная мысль — построить аппарат для межпланетных сообщений — для полетов, ну, там, на Луну. И у него никогда не хватало средств на постройку нужных моделей. Средства появились, кажется, только в последние дни — он получил какое-то наследство. Бедный папа — мы не видались несколько лет. С тех пор, как он перебрался в Медыньск... Только вот теперь я, кажется, надолго поселюсь с ним. А вы... едете надолго? Куда?

— У меня специальное задание, Нина Павловна! В Медыньске, как вы знаете, есть аэроплановые заводы. Неужели же вы не слыхали об этом? То есть, не только есть, а это единственное, чем выделяется этот город! Через неделю там будет первый торжественный выпуск красной эскадрильи самолетов усовершенствованной, оригинальной конструкции. Да, да, вы очень вовремя попадаете туда! Будет большая демонстрация, полеты, прилетят члены правительства и иностранные гости. Редакция командировала меня предварительно дать несколько очерков о работе заводов, о жизни аэродрома, наконец, о самом торжестве. Нет, это очень интересно! — взволнованно потер журналист руки: — между прочим, если разрешите, можно проинтервьюировать и вашего отца!

— Вы очень любезны! — красавица ласково улыбнулась алым ртом и голубыми глазами. — Думаю, что отец будет рад видеть вас. И во всяком случае, если не он... — она сдвинула брови, как бы сердясь на невольное сорвавшуюся фразу. — Мне кажется, этот Медыньск все-таки порядочная дыра. Вы спросили про центр? Я думаю, там и центра-то никакого нет — одна сплошная окраина. После Парижа...

— Разве вы едете оттуда? — склонился вперед Мак.

— Да, оттуда! — глаза говорившей подернулись легкой дымкой. — Мой муж работал там при торговом представительстве. Умер шесть месяцев назад. — Она отвернулась

и стала пристально смотреть в синий четырехугольник окна.

Впереди протяжно засвистело — черный загнанный паровоз почуял станцию. Начали мелькать домики, припавшие к земле в жидкой зелени палисадников, груды кирпичей, полосы опущенных слагбаумов.

Мак и Добротворская стояли у окна. Ее мягкий локоть касался его груди. Он покосился — худощавое, с прямыми линиями лицо, синеватый белок глаза, полная шея, схваченная темным воротом платья. — Шикарная женщина! — Почудилась улыбка на углах ее полных губ. И как легко завязываются эти вагонные знакомства. Нужно поддержать его! В две недели срока...

— Видите? Очевидно, Медыньск!

Вдалеке выступил город — пологие холмы, покрытые пестрой мозаикой построек и блестками церковных куполов. Отчаянно свистя, поезд загрохотал под широкий темный мост.

Лица журналиста коснулись мягкие душистые волосы. Нарочно? Нечаянно? Что, если обхватить ее крутую талию, поцеловать в губы, в шею... Мак стиснул зубы. Туннель миновал. Женщина стояла в прежнем положении, подставив лицо врывающемуся в окно ветру.

— Ну, пора собираться!

Она раскрыла желтый чемодан, стала упаковывать в него спальные принадлежности. Мак одел серое широкое пальто, странно торчащую фетровую шляпу. Он снял свой уже увязанный тюк и поставил его на лавку.

— Значит, я рассчитываю на прием, Нина Павловна?

Затягивая ремень, она вскинула свои яркие глаза.

— Я скажу папе. Он будет, наверное, рад. И после него вы заглянете ко мне, надеюсь?

Замедляя ход, поезд постукивал вдоль деревянной платформы и каменного двухэтажного дома со многими дверями. Мак подхватил свой портплед и узкий чемодан соседки. Были видны первые пассажиры, ковыляющие под тяжестью вещей, рвущаяся в вагоны оголтелая толпа носильщиков и длинная вывеска «Медыньск» над распахнутыми главными дверями.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Как журналист Мак встретился с военлетом Ивановым

Ни следующий день осматривали заводы.

Масло лилось четырьмя густыми, сомкнутыми, бесконечными струями, падая на скорченные лепестки серебряных стружек, желтым лаковым слоем покрывая крутящиеся части машины. Коленчатый вал-основа мотора медленно поворачивался в надежных тисках, снова и снова подставляя безжалостному резцу один из наполовину проточенных суставов.

Измазанная маслом кисть легла на рычаг, регулируя ход машины. Сквозь мерное, несмолкающее биение мастерской объяснения провожатого доносились, как сквозь комнатную перегородку.

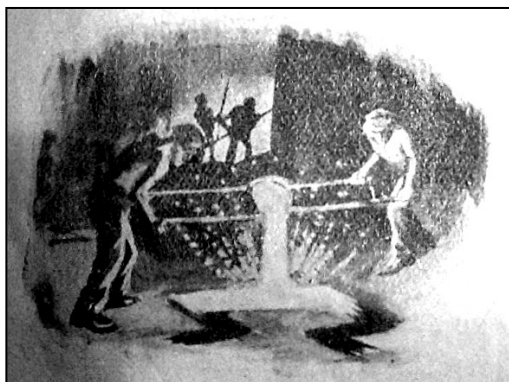
Около среднего ряда причудливых станков, с крутящимися колесами, шелестящими с потолка ремнями, стояли Мак и коренастый человек с квадратным серым, морщинистым лицом. Еще серее был твердый пробитый низ квадрата. Он объяснял, устремив на слушателя матовые зрачки глаз.

— В этом отделении идет обработка деталей — разных составных частей мотора. Делаются из особого сплава — алюминий по преимуществу. Здесь же у нас лют! Сталь — коленчатый вал, например, — с другого завода привозят. Видите станки рядами — в каждом ряду деталь обрабатывается с начала до конца!

Они двигались дальше. Резцы и сверла, беспрестанно охлаждаемые белой струей — водой с эмульсией нефти — упорно вели свою механическую жизнь. На боковых станках толстенькие стальные цилиндры, схваченные черными рубашками водяного охлаждения, снабжались всевозможными трубочками и винтами. Крутящиеся диски точильных камней шлифовали готовые части — в широких трубах дрожало оранжевое пламя искр...

— Здесь окончательная обработка! Раньше происходит другое. Пройдем в горячий цех!

В тишине заводского двора прошли в соседнее здание. Здесь взрытый песочный пол был покрыт рядами прессовальных земляных форм. Несколько охлаждающихся картеров — тусклых корытообразных станков мотора — уже готовые стояли у стены. Копошились рабочие у закопченных кирпичных кубов — нефтяных печей.

Розовато-серебряная густая масса льется внутрь, наполняет форму до края.

Шло литье металла.

Вот один из рабочих берет и устанавливает на песке земляную форму. Двое подхватывают из печи горшок, до краев наполненный жидким пламенем. Горшок несут к форме. Длинным черпаком снимают черный нагар.

Горшок наклоняют — розовато-серебряная густая масса льется внутрь, наполняет форму до края. Через некоторое время застывший шаблон вынут оттуда, как зерно из ореховой скорлупы. Он готов для отправки в механический цех.

— Механический цех мы уже видели первым. Теперь пройдем в сборочную и испытательную!

Лестница, переход, лестница. Опять ряд станков со склонившимися людьми. Все отдельные, окончательно обрабо-

таннные части, поступают сюда и здесь соединяются в стройное целое — в авиационный мотор.

Мак увидел готовые блестящие сооружения в половину человеческого роста, с рядами цилиндров, расположенных один против другого в виде римской пятерки, вдоль широкого основания надежного картера. И затем готовый мотор — сердце механической птицы — идет на второй завод для того, чтобы скрыться внутри бескрылого, неживого пока самолета.

Вывавшийся из широкого выхода и глубине мастерской протяжный рев замер, снова пойманный захлопнувшейся дверью. Спутник Мака двинулся в ту сторону.

— Приемка мотора. Пройдемте! Только, если что спросить хотите — спрашивайте сейчас. А то посмотрите, что там за разговор будет!

Дверь распахнулась. Сдавленный гул большого асфальтового зала наполнил уши вошедших.

Зал показался Маку совсем пустым — все сознание заполнил грохот, стоящий в воздухе. Но он понял, что это только начало, когда открывшаяся наружу дверь испустила такой рев и свист, о возможности которого он не имел и понятия!

Спутник Мака прошел внутреннее гремящее пространство и скрылся в дверях.

Сжав невольно кулаки, журналист двинулся следом.

Он имел все основания к такому жесту!

Казалось, сам воздух дрожал и переливался металлическим отблеском от невероятного, рвущего мозг, рева. Приглядевшись, Мак понял, в чем дело.

На стержне, выступающем из деревянной стены высокой будки напротив, крутился, невидимый от частоты оборотов, винт.

Далеко обходя будку, спутник Мака направился к ее задней стене. Журналист шел за ним. В лицо и по телу ударила жесткая струя ветра. Мак увидел полуоткрытую дверь и, шагнув еще, очутился внутри будки.

Несколько человек в красноармейской форме и в кожаных костюмах летчиков склонились над покатым столом.

Разглядывали различные приборы, имеющие, очевидно, отношение к работе пропеллера. Дальше сверкал сам мотор, а в маленькое окошко был виден его стержень и сияющий прозрачный круг по сторонам. Техник Фенин — квадратнолицый проводник Мака — провел ладонью, показывая оборудование будки.

Его палец устремился на измеритель числа оборотов: «1300 в минуту», показывала стрелка. В одну секунду винт мотора делал больше двадцати оборотов!

Потом он тронул за рукав одного из одетых в кожу. Все трое вышли наружу, миновали воздушный вихрь и прошли во внутренние мастерские.

Только во втором зале, где серая тишина странно не соответствовала напряженному слуху, Фенин взял Мака за плечо.

— Познакомьтесь, товарищ — Иванов, красный военный летчик!

— Очень приятно! — невольно говоря повышенным голосом, Мак пожал руку Иванова. — Но, ради бога, что это за дикий шум там внутри? В мою голову до сих пор как будто загнаны два деревянных клина!

Военлет усмехнулся.

— Но это же очень понятно, товарищ! Мотор около пускового высокого помещения, окружен стенами и, кроме того, без глушителя. Звук усиливается, как в рупор! Мы даже привыкли к этому, например. Даже разговаривать можем! Знаете, он пущен не больше двадцати минут, а проба производится три часа. Эти люди внутри выверяют по авиационным приборам точность его работы. Потом мотор возьмут обратно, разберу, посмотрят — все ли в исправности — и пустят на контрольную — двадцатиминутную проверку. Потом отправляют... Вы уже были на самолетостроительном заводе?

— Нет еще! — в разговор вступил Фенин. — Товарищ Мак — сотрудник центральной прессы, он должен дать ряд очерков по авиаделу. Есть пропуски и прочее! Ты не мог бы пройти с ним на «Авиатор»? К тому же, — Фенин повернулся к Маку, — он может быть полезен вам и в другом. Это

старый летчик, участвовал в гражданской войне! Может рассказать много интересного, покажет полеты...

Познакомьтесь, товарищ — Иванов, красный военный летчик!

— Ну, уж ты известный бузотер! — Военлет конфузливо пощупал нос. — Особенно ценного я вам ничего не дам, товарищ! Но все, что могу — с удовольствием. Пройдемте — я как раз покончил здесь с делами. Далеко ли? — Да нет, «Авиатор» находится совсем близко!

По репортерской привычке, живые глаза Мака быстро ощупали фигуру нового спутника.

Военлет был парнем лет двадцати семи, высокого роста, слегка сутулый, неуклюжий в походке, но с точными, спокойными движениями рук. Костлявое, длинное и загорелое лицо из-под сдвинутого шлема смотрело парой смелых, странно бесцветных глаз. Говорил он немного, слишком отчетливо и громко. Очевидно, имел привычку задумчиво

потирать свой большой, слегка приплюснутый нос. По крайней мере, взглянув на шагающего рядом журналиста, он снова повторил это движение.

— Ну, товарищ, какое впечатление произвел на вас моторный завод?

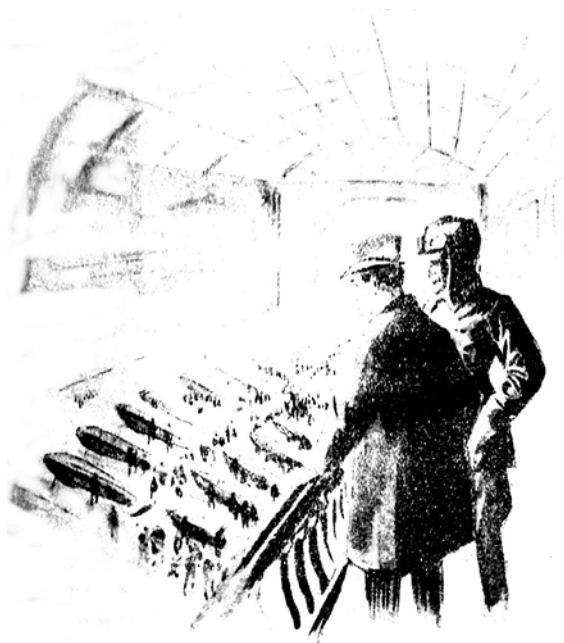
Мак пожал плечами.

— Представьте — не особенное. Все эти штуки с металлом — обточку, литье и так далее — я, конечно, видел раньше. Вот только испытательная огорошивает, действительно. А в общем — солидное производство. Сколько в среднем моторов выпускает завод?

Костлявое лицо под черным шлемом приняло замкнутое выражение.

— Вот этого как раз я и не могу сказать вам! Если можно так выразиться — военная тайна. Во всяком случае, — он стиснул зубы, — во всяком случае, мы выпускаем меньше, чем западная буржуазия... В этот двор! Дверь направо! Предъявите пропуск! Теперь наверх!.. Да, доведись нам сцесниться с ними, эта подготовка, пожалуй, даст себя знать. Говорят, Форд выпускает в день двадцать аэропланов военного образца!.. Еще выше... Огромный процент американского и европейского населения занят авиаспортом. Кроме того, всякое там безмоторное летание и так далее. В случае войны все эти спортсмены вместе со своими аппаратами поступят в ведение военных министерств! Нам нужно здорово подтянуться! Там каждый ученый занят военными усовершенствованиями! А у нас — межпланетные сообщения и прочая чепуха. Есть такой профессор Добротворский... Вот сюда. Подойдите ближе. Смотрите!

Мак очутился в верхнем этаже огромной трехъярусной залы со стеклянной круглой крышей, с просторным пролетом посередине. Внизу, на далеком полу, стояли близко сдвинутые друг к другу длинные темно-зеленые корпуса уже совсем готовых самолетов. Только крылья — широкие, толстые, покрытые ровным лаком, с ярко-красными пятиконечными звездами на концах, — находились пока отдельно, не привинченные к фюзеляжам.

Внизу, на далеком полу, стояли близко сдвинутые друг к другу длинные темно-зеленые корпуса уже совсем готовых самолетов.

Возились рабочие — маленькие фигурки, заканчивающие последнюю отделку воздушных чудовищ. Мощные, стройные, как бы для прыжка припавшие самолеты были немой ответ на последние слова Иванова.

— Седьмая эскадрилья «Ленин»! — торжественно и с особым чувством воскликнул человек в черной коже. — Седьмая эскадрилья! — нежно, как о живых, повторил он, склоняясь к перилам. — Последние аппараты! Герои предстоящего торжества! Вы слышали — это первая вполне оригинальная боевая конструкция нашего производства! Разведчики — мотор 400, скорость — 250 километров, необыкновенно послушны управлению. Ну, а теперь я покажу вам кое-что. Крылья в первую очередь! Они как раз приготовляются здесь!

Военлет взял с подставки изогнутую, легкую пустую внутри планку.

— Вот вам вид поперечного разреза крыла. В чем, вы думаете, его необыкновенная прочность, соединенная с предельной легкостью? В том, что оно все состоит из таких вот отдельных составных частей — все, от основания до конца несущих поверхностей! Эти планки скрепляются, свинчиваются, превращаются в одну общую поверхность — крыло самолета. Потом этот деревянный остов — сажени в две, в три длиной — затягивается материей особой выделки, материя кроется сначала четырехкратным, а потом еще двойным слоем лака. Мы пройдем потом туда — вы увидите, каким сладким, острым, ядовитым запахом пропитан там воздух!

Затем крыло готово — под особым углом его привинчивают к фюзеляжу — корпусу самолета. Корпус тоже весь на деревянном скелете. Рули высоты и поворота...

Через час осмотр был окончен. Двое людей — молодой человек в коротком широком пальто и летчик в потертой обвисяющей коже — вышли на пыльную, горячую улицу городка.

— Ну, вы в какую сторону? Я направо!

Мак остановился и крепко пожал руку военлета. Ему все больше нравился этот высокий, слегка неуклюжий человек.

— Благодарю вас, товарищ, вы прекрасно объяснили мне все! Если и на аэродроме я проведу время так же интересно... Между прочим, вы начали говорить о Добротворском. Сейчас я иду к нему. Хотелось бы иметь объективное мнение...

— Мое мнение не может быть объективным, объективным в общечеловеческом смысле, — улыбнулся военлет. — Как коммунисту, этот человек не нравится мне своей оторванностью от масс! Он вне жизни, жизнь и борьба проходят мимо него! Подумайте — в наше время обострения классовой борьбы прямо непонятен такой ушедший в неземное субъект! Мечтать о полете на Луну в то время, как рабочие во всем мире задыхаются под пятой капитала! Кроме того, он мне не нравится вообще! Странно — тем более, что я ни разу не говорил, даже не виделся с ним. Ну, до завтра!

Длинные костлявые ноги зашагали по немощной дороге.

Мак нерешительно постоял на месте и затем быстро зашагал в противоположную сторону.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

О том, как Мак пришел к профессору, и о странном случае с портретом

Профессор жил на противоположном конце города, минутах в двадцати ходьбы от завода. Толкнуть облезлую, желто-зеленую дверь столовой! Засаленное меню лежало на грязной скатерти столика. Мак задумчиво пообедал, выпил бутылку пива и снова зашагал по пыльным улицам Медынска.

Красавица — дочь профессора — ее худощавое лицо с голубыми глазами, красный рот, упругие бедра не выходили из головы журналиста. После наладившегося вагонного знакомства, как-то она примет его теперь, в родном доме?

Улица Марата — та самая. Третий дом от угла — есть. Одноэтажный, серый, с рядом маленьких окон, он скромно выступал среди яблочных деревьев окружающего его сада. Щеколда калитки щелкнула, и узкая тропинка, ведущая между деревьями к крыльцу дома, открылась глазам вошедшего. Но звякнувшая во тьме собачьей будки цепь заставила его быстро отступить обратно.

Из ржавых досок высовывался конец изогнутой проволоки. Мак дернул — протяжный звон, сопровождаемый собачьим лаем, пронесся в ответ. Мак подождал и дернул сильнее. На этот раз послышались ленивые шаги.

Калитка отворилась. Толстая рябая баба смотрела сонными глазами. Гипнотизируя ее взглядом и изящной внешностью, Мак пояснил цель своего посещения.

Баба повернулась и закачалась к крыльцу. Мак последовая за ней. Лязгнувшие песьи зубы сомкнулись в двух вершках от его колена.

— Пал Николаич! Пришли там к тебе! — крикнула баба в сенях. — Газетный сотрудник из Москвы! Статью, грит, написать хочет! — донесся уже из-за двери ее пониженный голос.

Мак стоял в светлых скрипучих сенях против обитой рогожей двери. За дверью что-то шуршало, упала какая-то тяжесть. Дверь отворилась, пропуская сначала беспокойную голову, а потом и всю фигуру профессора Добротворского.

Что это был именно профессор — делалось ясным после первого же взгляда. Из заплатанного, запахнутого вокруг голой шеи пиджака выступал бледно-розовый, гладкий, окруженный жидкой коронкой рыжеватых волос череп. Но подобный недостаток растительности сверху щедро компенсировался широкой всклокоченной бородой, огибающей худые скулы и бледный рот хозяина. На переносице поблескивало золотое пенсне. Отличительные признаки заканчивались орехообразной шишкой телесного цвета чуть пониже профессорского виска.

— Чем могу служить? — подозрительно прищурился хозяин. — Вы представитель печати? Из Москвы? — Маку почудился облегченный вздох. — Да, да я могу дать вам кое-какие материалы. Пожалуйте в кабинет! — профессор зашуршал в комнаты.

— В настоящее время, — усевшись в кресло у письменного стола, он стал пристально рассматривать свои узловатые пальцы, — изменившиеся, гм, обстоятельства дают мне снова возможность вплотную заняться основной работой. Должен отметить,, что нет судьбы страннее судьбы русского изобретателя! Правительство и частная инициатива равнодушны к взлетам — да, именно к взлетам научной мысли! А теперешнее стремление к объединению науки с политикой, — он осторожно и криво улыбнулся, — также не слишком способствует спокойствию занятий. Денежная нужда последних месяцев... Если бы не счастливо сложившиеся обстоятельства, я бы вообще не знал, как продолжить разработку моего открытия... Вы, может быть, слышали что-нибудь о принципе реактивной ракеты?

Мак качнул головой, не отводя глаз от поразившей его обстановки кабинета.

Кабинет был большой и светлый, окнами выходящий в густую зелень сада. Все стены были закрыты высокими полками с неровными горами книг и рукописями, пере-

тянутыми в толстые пачки.

Но полок не хватало. Книги, брошюры, рукописи свисали вниз, к полу, откуда ответно вставляли такие же кучи бумаг и серых папок. Бьющее в пол солнце мешалось с книжной пылью, превращаясь в многоцветные столбы ко-со стоящих спектров.

С потолка блестела модель металлического ракетобразного сооружения. Даже стол, заваленный книгами и чертежами, не избег общей участи. Одна груда переплетенных томов, повисшая над самым краем, особенно привлекала внимание журналиста...

— Реактивная ракета для пассажирских межпланетных сообщений, — тонким, как будто обиженным голосом начал профессор, — уже в течение ряда лет признана вполне возможной многими серьезными учеными. Мой коллега Циолковский доказал теоретическую возможность пуска такой ракеты с Земли на Луну. Это нечто вроде огромного, пустого внутри ядра, движимого постоянными взрывами — отдачей газов, выходящих из его нижней части. В 1913 году Эспо Пэльтри, председатель французского общества воздухоплавания, подтвердил правильность такой конструкции. Это уже не выстрел из огромной пушки, о котором писал Жюль Верн, это не фантастический прибор Уэльса! Нет, это вполне реальная, доказанная вещь.... Вы... Надеюсь, вы улавливаете мои мысли?

Мак издал утвердительный звук. Конечно же, он улавливал их. Но критическое положение груды книг властно захватило и не отпускало его внимания. Странно, как может она висеть в таком положении и не свалиться на пол? И как, вообще, блуждает профессор в этих непроходимых бумажных чащах?

— Вы понимаете, товарищ, практическую ценность такого снаряда? Увеличивая и уменьшая изнутри силу взрывов, пассажиры ракеты могут регулировать ее скорость. Ракете дается не один первоначальный, а ряд перманентных толчков — следовательно, им не угрожает опасность быть раздавленным в момент отправления. Вот в общих чертах, что говорит об этом чистая наука. Мои же работы...

Мак сделал несколько заметок. Ему показалось, что медленно и незаметно, незаметней движения гренландских ледников, книги скользили вниз. Неудобно указать, но если рухнет такая махина...

— Мои работы, — профессор возбужденно встал, опираясь ладонями в стол, — мои работы переносят идею межпланетных сообщений из теории в жизнь! Я нашел способ немедленно же приступить к использованию таких ракет!

Подумайте, товарищ, открытием межпланетных путей мы мгновенно разрешим наши земные бедствия. Я сразу нахожу исход для наших политиков всех цветов! Для империалистов — завоевывать Луну, для социалистов — учредить коммунистические колонии на каком-нибудь Марсе. Классовая борьба исчезнет сама собой! Теснота нашей планеты...

— Извиняюсь, профессор...!

Этого нужно было ожидать с самого начала! Как бы потеряв последнюю надежду удержаться, книги разом качнулись вбок и с треском рухнули на пол. За первой грудой поползла вторая, скользили несколько рукописных пачек... Неловкая попытка Мака уменьшить катастрофу только усилила ее размеры. Растрепанные, переплетенные и непереpletенные книги, тонкие рукописи, связки исписанных листов покрыли пол густым бумажным слоем.

Профессор вскочил из-за стола, сел на корточки, яростно поблескивая шлифовкой стекол, стал водворять книгу за книгой на тот же край перегруженного стола. Опустившись рядом, Мак старался класть их ближе к центру. Ликвидация события подходила к концу, когда одна странная мелочь разом нарушала созерцательное настроение Мака.

Поднимая одну из пачек, он увидел небольшую фотографию, наполовину высунувшуюся из ее серых недр. Он потянул. Бесцветные глаза, слегка приплюснутый нос и костлявое лицо в красноармейской форме глянули с темного лака картонного четырехугольника. Внизу карточки стояла неясная надпись.

Мак не успел прочесть даже первых букв. На его рукав резко легла бледная, испачканная чернилами кисть. Другая

...другая такая же ловко выхватила пачку из рук журналиста.

такая же ловко выхватила пачку из рук журналиста.

Он оглянулся. Усталые, застекленные глаза профессора смотрели на него злобно и растерянно.

— Простите...

— Разрешите сообщить вам, товарищ, что я никому не позволяю рыться в моих бумагах! Это... это неэтично, наконец! Если каждый встречный, воспользовавшись случаем...

Мак вскочил на ноги.

— Честное слово, профессор, я и не собирался узнавать ваших тайн! — профессор слегка побледнел: — и я попросил бы вас выбирать выражения! Только потому, что здесь портрет человека, с которым мы только что говорили о вас...

Бледность профессора перешла в раздражительный румянец. Нагнувшись, он старательно отряхивал незапачканные колени.

— И так как этот человек говорил, что не знаком с вами...

— Он не солгал вам, товарищ! Я не знаком ни с одним из здешних жителей. Эта карточка, — профессор недоуменно держал ее лицевой стороной к себе, прикрыв нижнюю часть пальцем, — я не знаю, как она очутилась здесь. Может быть, Нина... Да, конечно, Нина! — совсем смутившись он вдруг резко швырнул всю пачку в ящик стола. — Ну, и как же: будем мы все-таки заканчивать нашу беседу?

Нина! По спине Мака, снова усевшегося возле стола, прошел легкий холодок и на сердце навалилась смутная тяжесть. — Неужели у нее есть какая-нибудь связь с Ивановым? Странно — он так плохо отозвался об ее отце... Да и когда они могли успеть... Спросить ее? Но на каком основании, по какому праву? После полуторачасового знакомства в вагоне... Мак решил временно не затрагивать этого неприятного вопроса. Потом, если их знакомство укрепит-ся...

Жаркие объяснения профессора продолжались. Доказав огромные горизонты межпланетных сообщений, он дрожащими руками вынул из среднего ящика и расправил на столе сверток каких-то чертежей.

— Здесь суть упрощенной конструкции, которой сужде-

но перевернуть весь ход мирового прогресса! Этот аппарат... — трепетным голосом объяснял профессор... Любезно поддакивая и делая заинтересованное лицо, Мак прислушивался к звукам, идущим из других комнат.

Дома ли она? Захочет ли вообще повидаться с ним? Профессор кончил объяснения и скрестил свой детски-нетерпеливый и робкий взгляд с рассеянным взглядом журналиста.

— Да, да, — промямлил Мак, энергично чертя строчки каракулей на листке блокнота. — Да, это необыкновенно счастливая и богатая идея. Если профессор позволит, он посвятит ей один из своих очередных очерков. Ведь он еще раньше слышал об этой идее — лицо профессора просияло — от его дочери Нины Павловны! — профессор посерел и кисло улыбнулся. — Мы познакомились в вагоне... Она просила зайти... Может, можно сейчас...

Профессор сорвался с места и быстрыми шагами ринулся к внутренней двери.

Недоумевающий гость шел следом.

Профессор миновал комнату с буфетом в углу и со скатертным столом посредине и стукнул в следующую дверь. Звучный голос — голос вагонной спутницы — ответил изнутри. Профессор пошел обратно. Мак надавил ручку.

Она сидела в глубоком кресле у перил крытой террасы, держа на коленях неразрезанную книгу. Она была в светлом домашнем платье. Увидев вошедшего, она улыбнулась и подняла руку, заставившую сердце у двери забиться сильнее и кровь прилить к голове.

— Александр Ильич? Здравствуйте! Садитесь сюда поближе!

— Благодарю вас! — Снова омраченный только что происшедшим, держа шляпу на коленях, Мак сел на стул у самого кресла.

— Ну что же, рассказывайте! Как вы освоились с нашими достопримечательностями? — Она расхохоталась. — Не говорила ли я — здесь гоняют коров по главной улице и развозят воду в особых повозках! А ваши авиационные дела?

— Ничего, Нина Павловна. То есть, не ничего, а хоро-

шо! — Мак бледно улыбнулся.

— Это интересно, расскажите... Вы сейчас от папы? Да что это у вас такое надутое лицо?

Мак глядел в ее чистые, небесного цвета глаза. Черт, почему это его так расстроил этот случай? Ну, да все равно — пойти начистоту! Или это недоразумение, или...

— Да, Нина Павловна, я от него. Там произошел странный случай, Нина Павловна! Видите ли, у профессора оказался портрет моего нового знакомого — военлета Иванова!

— Да? — ее голос прозвучал холодным удивлением.

— Ну, и вот... профессор сказал, что этот портрет попал к нему от вас... Мне, конечно, все равно... То есть, не все равно, а... Для восстановления истины, главным образом... Я сам сознаю, что не имею основания задавать вам такие вопросы...

Некоторое время она молчала, перелистывала книгу на коленях. Вертясь на стуле, Мак мучился тысячью угрызений. Так глупо начать разговор! Она, несомненно, обиделась. Он никогда не умел обращаться с женщинами. Конец знакомству.

Но она не обиделась. Она пристально и серьезно посмотрела ему в лицо.

— Этот портрет? Однако, Александр Ильич, вы странно начинаете наше знакомство! Да, конечно, он попал к папе от меня. Видите ли, я собираю коллекцию карточек авиаторов... То есть нет, я шучу, конечно. — Она понизила голос. — Слушайте, была такая встреча! Он подарил мне ее с надписью... Вы видели надпись? — она подождала испытующе: — Понимаете, я оказала ему поддержку в одном деле в Москве. Но дайте обещание — я не хочу, чтобы кто-нибудь еще знал об этом деле и о портрете. В особенности, не обмолвитесь ему! Ни в каком случае! Дайте честное слово!

— Не говорить никому? Тайна? — немного растерянно улыбнулся Мак.

— Тайна! — серьезно подтвердила она. — Я очень прошу вас. Вы будете молчать? Честное слово?

— Честное слово и красная присяга журналиста! — улыбаясь, произнес Мак, склоняясь к ее протянутой руке.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

**в которой Иванов пробует самолет, а Мак ближе
знакомится с авиацией.**

Мак проснулся поздно на бугристом матрасе старинной деревянной кровати в грязном номере «Центральной гостиницы». Он вспомнил план сегодняшнего дня и посмотрел в окно.

Ему везло: день — спокойный и синий, — как нельзя больше способствовал осмотру аэродрома в рабочее время. — Будут много летать, — решил Мак, энергично натягивая брюки, — наверно, предложат и мне, как столичному гостю! Полететь разве — неудобно все-таки — журналист, писатель, до известной степени, и не летал ни разу! Впрочем — ненадежная штука этот самолет! Ну, там на месте посмотрим! А Нина Павловна? Дело-то совсем на мази! — легкие, как будто пропитанные духами, воспоминания о дочери Добротворского целиком заполнили его.

Он вышел без пальто. Прохладный утренний воздух приятно обвевал лицо и руки. Довольно однотонные, но вместе с тем необыкновенно привлекательные мысли скрадывали путь. Только когда вдоль широкой дороги ряд одноэтажных домов сменила серая линия досчатого забора и вдали — за этой чертой — выступили серые и длинные прямоугольники ангаров — он отогнал все постороннее и решил заняться делом...

В кабинете начальника проверили пропуск и дали Маку провожатого. В окне виднелись раздвинутые ворота ангаров с выступающими из них яркими плоскостями готовых к работе самолетов. Доносился мерный рокот пущенных моторов. Вместе с провожатым, механиком Ляшковским, Мак вышел на двор и миновал калитку, охраняемую двумя красноармейцами.

Аэродром — коричневая, бескрайняя, туго утоптанная равнина — был наполнен веселой, шумной жизнью. Ма-

ленькие мотористы вели к старту из далеких ангаров назначенные для полета машины. Низко над головами, постепенно забирая высоту, проносились гремящие, грузные, стальные насекомые. Вдали несколько размахивающих руками фигурок окружали приготовленный к подъему самолет.

— Вы спрашивали Иванова? — обернулся Ляшковский к Маку. — Вон он! Лететь готовится на самолете «Л. 7»! Скорее! Мы еще захватим его!

— Идем!

«Л. 7» был только что сработанный и выпущенный для проверки самолет эскадрильи «Ленин», двухместный, приподнявшийся на растопыренных передних лапах-«шасси», темно-зеленый «разведчик» с гремящим мотором, одним из тех, выработку которых Мак видел на заводе. Мотор четко работал, отбрасывая назад сероватые дымки отработанного газа. Винт работал на малом газе — окованные медью лопасти мелькали, не сливаясь в сплошной сверкающий круг. Самолет дрожал мерно и нетерпеливо, готовый по первому движению седока рвануться в горячее небо.

Из передней кабинки высовывалась одетая в шлем голова Иванова. Большие, небьющиеся, в кожаной оправе очки были подняты на черный, закрывающий голову, лоб и нижнюю часть лица, шлем. Размахивая высунутой наружу рукой, Иванов что-то кричал стоявшим у самолета.

Пассажир задней — наблюдательской — кабинки еще не уселся на место. Он надевал шлем, застегивая у подбородка его широкие, выступающие вперед уши. Кончив, он ухватился за край кабинки и, вложив носок в приступку высокого фюзеляжа, перекинул другую ногу внутрь.

Иванов увидел Мака. Привстав в кабинке, он крикнул что-то приветственное.

Мак подошел ближе.

— А вот и вы пришли, товарищ! — военлет протянул Маку твердую ладонь. — Кстати, хотите посмотреть внутреннее оборудование самолета? Ну, нет — так, как ни тянитесь, ничего не увидите. — Действительно, голова Мака едва доходила до половины высоты корпуса. Иванов наклонил сверху свое разгоряченное, обветренное лицо.

— Ступите сюда, товарищ! — он показал на стремяобразное углубление в фюзеляже. — Так! Вставили ногу? Теперь ухватитесь за борт и поднимайтесь! Смелее! Не бойтесь, он не улетит вместе с вами! Так!

Обдаваемый ветром пропеллера, ухватившись руками за трепещущую стенку фюзеляжа, Мак подтянулся и заглянул внутрь.

Темноватое к низу отверстие пилотского места пахло свежей кожей и было ровно такого размера, чтобы летчик мог сидеть в удобном и спокойном положении. Впереди был расположен мотор, крутился пропеллер. Сверху нависала закругленная поверхность широко размахнувшихся крыльев. Упираясь спиной в спинку сиденья, а ногами о смутно видимые рычаги поворота внизу, Иванов объяснял устройство самолета.

Между его ногами, из глубины кабины вставала черная ручка руля глубины, управляющего подъемом и спуском машины. Тонкие стальные передачи вдоль дна соединяли этот руль и нижние рули поворота с хвостовым оперением машины. Рядом с локтем сидящего был ряд рычагов и кнопок, регулирующих работу мотора. На прямой поверхности перед глазами — полированные, белые, застекленные коробки различных измерительных и проверочных аппаратов.

— Смотрите! — Иванов встал коленом на жесткую подушку. — Вы видите, и к моему сиденью и к сиденью наблюдателя приделаны широкие ремни, которые мы застегиваем вокруг пояса — прикрепляемся, чтобы в случае чего не выпасть из машины! Защита от врагов — вот этот неподвижный пулемет, привинченный сбоку — по данному мной толчку он будет стрелять вперед, через пропеллер, до тех пор, пока я снова не остановлю его. У наблюдателя пулемет подвижный — он может стрелять во все стороны. Видите — здесь как раз такое боевое оборудование — для полетов на предстоящих торжествах установлены оба пулемета. Ну, вы усвоили устройство?

— Но ведь такое количество приборов! Как может управляться один человек? — Мак покачал головой.

— Да нет, это на практике очень просто. Конечно, если с первого раза — глаза разбегутся. А опытный летчик — он ведь и мотором и самолетом управляет не думая — механически. Как бы вам сказать — опытный летчик на самолете — это как будто мозг в человеке. Они связаны неразрывно. Да вы летали вообще? Нет! И хотите, наверное?... Товарищ Ляшковский, будь другом, устрой там, чтобы покатали товарища. Ну?

— Товарищ Иванов... — при последних фразах летчика небольшая судорога свела горло журналиста. Иванов застегивал вокруг талии ремни сиденья.

— Товарищ Иванов, еще одно слово. Мне бы хотелось вообще поговорить с вами — ну, о вашей жизни и прочее. Когда вы могли бы... Может быть, в пивной... За парой бутылок?

— В пивную? — Иванов задумчиво надвинул очки на глаза. — Нет, если уж вы хотите, давайте лучше так. Сегодня вечером свободны? Приходите-ка ко мне! Запишите адрес... Поговорим, с женой вас познакомлю. Согласны? Значит, до вечера! Ну!

Самолет задрожал сильнее, летчик прибавил газу. Мак соскочил, вместе с другими отошел в сторону. Пропеллер слился в сплошной сияющий круг. Воздушные волны с силой отбрасывались назад.

Иванов поднял руку. Самолет двинулся и побежал по земле, припрыгивая на неровностях почвы.

Он бежит быстрее и быстрее. Вот уже его хвост с криковым костылем, царапавшим землю, поднялся и движется по воздуху. Вот отделились от земли толстые резиновые колеса. Самолет идет косо вверх, оставляя за собой дымовую черту бензиновых отбросов.

— Полетать он просил вас устроить, — спутник Мака повернулся к нему. — Как бы это удружить вам? Все у нас машины по специальным заданиям летают. Никогда, говорите, не летали? Нужно, обязательно нужно!

— Если это так трудно... я не настаиваю... — сердце Мака билось так громко и отчетливо, что он даже немного покраснел. Он взглянул на широкое лицо, полное готовно-

сти сделать ему приятное.

— Да нет, уж нужно это будет устроить! Интересно все-таки. А как вы в газете пишете — прямо необходимо! Тут вот один летчик у нас на учебном самолете летает. Да вот, как будто, он спускается. Идемте!

Обладающий живым воображением, Мак почувствовал легкую тошноту. Летать на открытом самолете, да еще на учебном! Скатишься этак метров с восьмисот! Он вспомнил все страшные рассказы об оторвавшихся в воздухе крыльях, об остановившихся моторах, об отказавшемся работать управлении. Вспомнилась картинка, изображавшая летчика со страшно выкаченными глазами, падающего из горящего аэроплана. Отказаться? Сказать, что больное сердце! Нет, неудобно! Да и жаль упустить!

— Товарищ Кравкес! — громко, как в рупор, заревел Ляшковский в сторону небольшого, потертого, только что спустившегося самолета. Он быстро пошел к нему.

Мак шел следом, чувствуя странное замирание в ногах. Кравкес — толстый, коротенький летчик — стоял около крыла, развязывая шлем. Ляшковский пожал его короткую руку.

— Товарищ Кравкес, вот этот товарищ журналист, из центра. Хочется ему покататься. Иванов тоже просил. Минут на десять. Как у тебя — перестал шалить мотор?

— Машин в исправности, — сказал Кравкес, глядя на Мака круглыми выпуклыми глазами, — немного что-то на правый бок валит. Тросы управления тожи. А прочее все «зер гут». Летать можно. Тут «им хертц» ничего? Сердце хорош и все такое?

Мак победоносно улыбнулся и, не отвечая ни слова, начал карабкаться в кабину самолета. Холодными, дрожащими пальцами он натянул шлем и начал застегивать ремни сиденья... Валится на правый бок... Тросы управления... Черт его знает, пожалуй, загремишь действительно. Печально! В такой день, накануне... Накануне полной победы! Как во сне он видел, как Кравкес уселся в кабину самолета. Мотор заработал. Ледяными руками Мак вцепился в борта кабинки задрожавшего самолета...

Но самолет не двигался. Сзади слышался слабый, неразборчивый крик. Кравкес недовольно повернулся. К ним бежал красноармеец.

— Товарищ Кравкес, начальник требует! Машину мотористам передайте! Срочно приказано! — запыхавшийся красноармеец остановился у крыла.

Кравкес грузно вывалился на землю.

— Ничего не поделаешь! Начальство! Срочно приказ. «Ман руфт мих, камрад», — опечаленно развел он руками.

Дрожь покинула пальцы журналиста. Расстегнув ремни, чувствуя некоторый нервный упадок, он легко выскочил наружу.

— До следующий раз. Завтра, через завтра, всегда, — крикнул на ходу Кравкес,

— Ну, что же, товарищ, пойдем осматривать ангары? Другого-то никого мобилизовать сейчас нельзя! — развел руками опечаленный Ляшковский...

Так неудачно окончилась первая авиационная попытка Мака. Он и не подозревал, в каких необыкновенных условиях с того же самого аэродрома состоится его первый настоящий продолжительный полет.

ГЛАВА ПЯТАЯ

О таинственных и необыкновенных приключениях в саду профессора.

Если читатель, развернувший эту книгу, несколько разочаровался в ней, не найдя на первых же страницах грома револьверной стрельбы и таинственных масок — пусть такой читатель все-таки не бросает своего занятия! Потому что терпение — бабушка всех добродетелей! Потому что мы помним тринадцать черных незнакомцев с розами в петлицах, по недосмотру автора появившихся в начале книги. Потому что чувствуется тайна в неожиданном богатстве профессора и роковое прошлое в портрете военлета Иванова! И потому еще, что эта, пятая, глава вознаградит нас за некоторую растянутость первых четырех.

Прежде всего, обозначим срок и место надвинувшихся событий.

Срок — четвертый день со времени приезда Мака в Медыньск — следующий день после его неудачного полета. Место — запущенный сад профессора Добротворского. Время — двенадцать ночи. Действующие лица:

По узкой, черной, пустынной улице — на эту улицу выходит задняя часть сада Добротворского — быстро скользила человеческая тень. Тень приблизилась к наклонному забору — скользкой, поросшей мхом поверхности, скрывающей от посторонних глаз глубину сада — низкий профессорский дом.

Незнакомец подошел к забору вплотную. Он сделал резкое движение и вдруг скорченная, сутуловатая фигура очутилась верхом на шаткой ограде.

Два освещенных желтых окна в правом углу фасада и одно крайнее слева сверкнули из темноты. В следующий момент незнакомец исчез за четкой досчатой гранью.

Несколько минут пустая тьма настороженно висела над переулком. Где-то близко, по другую сторону дома, протяж-

но и громко залилась собака. Вой смолк и повторился опять с новой необычайною яростью. Затем собака замолкла. Вдоль забора зашуршали осторожные шаги новой, сливающейся с его поверхностью, фигуры.

Прижавшись к забору, некто второй простоял несколько секунд неподвижно. Но либо он не обладал решимостью первого, либо не надеялся на крепость своих мускулов. Как бы то ни было, он не повторил движений предшественника, а снова заскользил вдоль стены, очевидно, ища подходящей лазейки для проникновения внутрь...

Прошло полчаса. Из разорванных туч выглянула усеченная луна, залил улицу, забор и сад тусклым неверным светом. Плыла ночная тишина...

Для человека, лежащего совершенно неподвижно в высокой сырой траве да еще на враждебной территории, полной всевозможных опасностей — срок в тридцать минут может показаться очень значительным! Лежать на ноющих локтях, чувствовать, что все тело пропитывается дрожью ночного холода и не спускать глаз с трех световых квадратов перед глазами — вот основное занятие человека, пробравшегося в чужой сад с определенной целью! А если к этим неудобствам прибавляются муки раненой совести — дело становится из рук вон плохо! Именно переживаниям такого рода суждено было терзать душу ночного незнакомца, распростертого на животе репортера Мака.

Вчера вечером в назначенный срок он пришел к Иванову. Военлет был дома, здесь же сидел его друг — техник Фенин — квадратнолицый человек в ситцевой косоворотке, выглядывавшей из под серого, потертого пиджака. Сидели у стола под портретами Ленина и Маркса, пили чай, разговаривали. Хозяйничала жена Иванова.

В ее наружности не было ничего особенного или бросающегося в глаза — тоненькая брюнетка, среднего роста, со свежим, вздернутым лицом и кудряшками стриженной головы. В синем платье, обнажающем ее хрупкую шею и худые, полудетские руки, она совсем не походила на женщину двадцати четырех лет. Она неслышно двигалась по комнате, почти не вмешиваясь в разговор мужчин. Но один

нелепый случай странно запечатлел эту женщину в уме Мака.

Конечно, это была его собственная вина!

Нужно же было проговориться, нарушить данное слово, без всякого повода разбить спокойствие этих симпатичных людей. И из-за чего?

Произошло это совсем неожиданно. Иванов, постепенно вызванный Маком на воспоминания, рассказывал о своем прошлом. Рассказал несколько эпизодов фронтовой жизни, о своем плене у белых, о бегстве из плена, о том, что только благодаря случайности он не попал в Москву работать на центральном аэродроме...

— Хороший город Москва, — поддержал разговор Мак, — магазины, театры... Вы в котором году были там, товарищ Иванов?

— Я не был в Москве! — небрежно заметил военлет. — Говорю, только мимо проезжал. Еще тогда...

Но у Мака явилось острое желание продолжить свою тему.

— Ну как не были? Бросьте, товарищ! Я знаю прекрасно... А дочь профессора Добротворского?

— Дочь Добротворского? — выставил Иванов над столом свое костлявое лицо. — А при чем же здесь она?

Мак прикусил губу. Он понял, что Нина Павловна здесь не только не при чем, но и специально взяла с него обещание не говорить об этом вопросе! Но непонятное запирательство Иванова... Не только дух хорошего журналиста, но и смутная ревность были разбужены в нем. Он тоже облокотился на стол.

— При чем дочь профессора? Да при том, что именно в Москве состоялось ваше знакомство с ней. Помните? Конечно, это между нами... Если уж сорвалось...

Военлет медленно покачал головой.

— Вы что-то путаете, товарищ! Правда, вчера я видел на бульваре эту развязную девчонку. Но никогда я раньше не встречался ни с кем, даже отдаленно похожим на нее!

— Не встречались? А портрет с вашей надписью, подаренный ей? Я сам видел этот портрет! И кроме того, так

отзываться о женщине... — дрогнувшим голосом сказал Мак и обвел комнату глазами.

Тут только он понял всю неуместность своей непонятной настойчивости.

Жена Иванова стояла, вытянувшись у двери, совсем бледная, с полуоткрытым напряженным ртом. Она пристально смотрела на вставшего из-за стола, бледного и нахмуренного мужа.

— Товарищ, говорю вам, что здесь какое то недоразумение, — отчетливо выговорил военлет, по привычке поднося руку к носу, — я не знал и знать не хочу ни вашего сумасшедшего профессора, ни его дочери. Что касается портрета — это явная провокация. Вы видели сами?

Вся эта сцена ярко проступила в сознании лежащего в профессорском саду Мака. Как глупо, как удивительно глупо! Конечно, после слов военлета и повторного взгляда на его жену, он сразу понял, что надо делать! Он взял свои слова обратно, сказал, что видел портрет мельком, что, вероятно, это было сходство и даже, кажется, довольно отдаленное! Он совершенно примирился с Ивановым! Но сверкающие черные глаза Маруси и ее деланно спокойные движения ясно сказали, что все эти шаги немного запоздали. Хотя Иванов отчасти виноват сам. Разве нельзя было замять разговор в начале? Какой смысл был так обострять этот опасный момент?

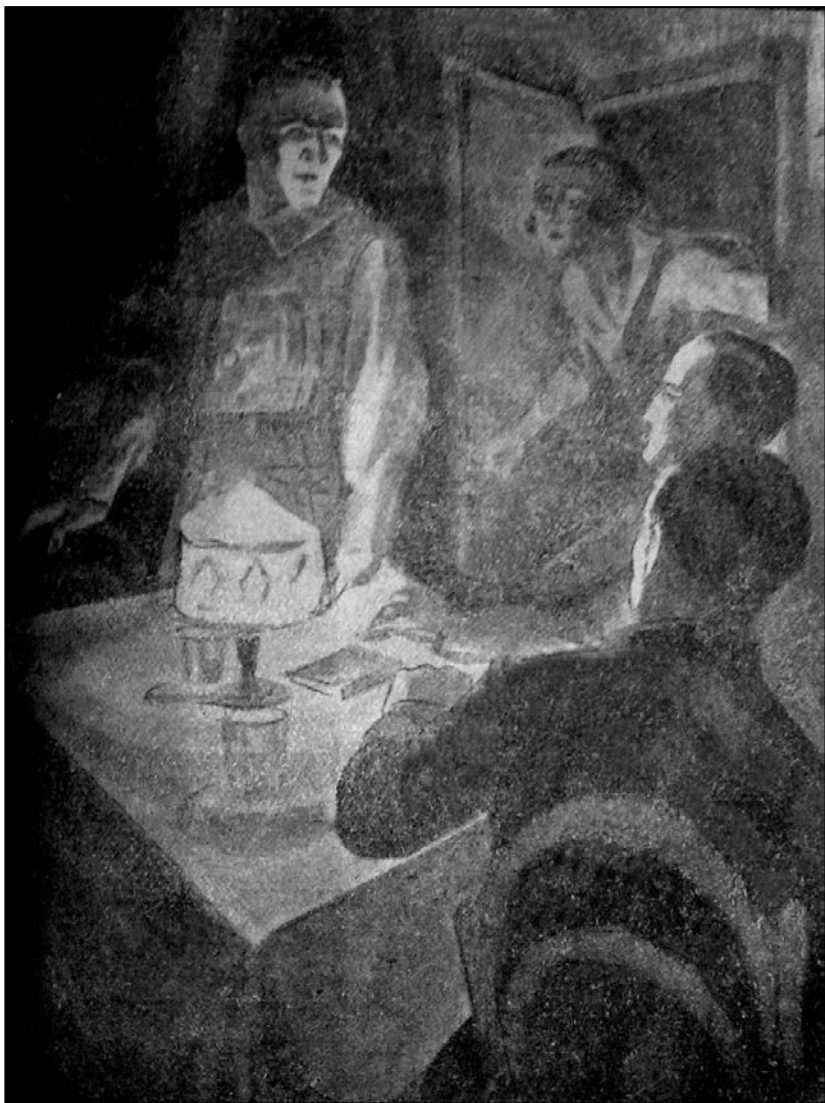
...Одно из окон — одиночное — потухло. Мак переменял положение. В глубине террасы раздался легкий звук. Высокая белая фигура выступила из балконной тьмы, спускаясь к садовой дорожке.

— Александр Ильич! — раздался осторожный шепот.

Он вскочил с земли. Фигура придвинулась ближе. В застывших пальцах журналиста очутилась горячая и мягкая женская кисть.

— Вы озябли, бедный! Ждете давно? — она засмеялась — нервно и коротко. — Пройдемте, сядем тут! — ее рука подхватила его под локоть.

Они подошли к садовой скамейке, четким профилем выступающей в лунной тьме. Они сели, — около самого ли-

Жена Иванова стояла, вытянувшись у двери, совсем бледная, с полуоткрытым напряженным ртом.

ца Мака выступало ее прекрасное, четкое лицо.

— Нина Павловна! Нина! — Мак прижал к губам ее руку. Она отстранилась.

— Погодите! Потом! Вы понимаете, что в такой час было бы жестоко с моей стороны из-за одной любви к вам заставлять вас мокнуть в этой траве! Мне нужно было незаметно поговорить с вами. Дело...

— Нина, милая, какое там дело! Дело — чепуха! Нина! — он снова постарался обнять ее за уклонившуюся талию.

Он придвинулся ближе, она вскочила со скамьи. Она отступила — белая и мерцающая, — он сделал быстрое движение и схватил ее повыше локтя. Она слабо вскрикнула — он уже обхватил ее другой рукой и припал губами к ее сухим, уклоняющимся губам. Кровь ударила в голову. Какой-то сверток выскользнул из под ее платья и упал на дорожку. Он все сильнее сжимал ее слабо сопротивляющееся тело, покрывая его быстрыми поцелуями...

Оглушительный выстрел, прокатившийся глухим эхом, почти сейчас же последовавший второй, звон разбитого стекла и топот в глубине дома сразу привели Мака в себя. Ему показалось, что какое-то проворное существо быстро промчалось и скрылось в глубине сада. Оба освещенные окна в доме погасли, потом вспыхнули снова. Шум затих. Все это осознал Мак, все еще продолжая сжимать обеими руками крепкое женское тело.

Но это продолжалось только момент. Она сильно рванулась. Чтобы не упасть, он ухватился за спинку скамьи. Нина повернулась и бросилась бежать к террасе.

— Нина Павловна, куда?.. Может быть, бандиты! Опасно! Нина Павловна! — он бросился следом.

— Оставайтесь здесь, — она обернулась, не замедляя бега, — я выясню, в чем дело! Папа... — она скрылась в молчащих недрах дома.

Мак помедлил. Затем осторожно двинулся вперед. Его движения все ускорялись — он почти пролетел скрипучие ступени террасы. В два прыжка, миновав наружное пространство, он дернул дверь в дом.

Здесь, около внутреннего входа, колыхалось желтое пламя свечи, сжимаемой чьей-то дрожащей рукой. В полосатом нижнем белье, без пенсне, сторбленный и жалкий, в дверях стоял Добротворский с длинной двустволкой в правой руке. Увидев входящего, Добротворский отчаянно вскрикнул и двинулся в следующую комнату.

— Кто это? — профессор недоверчиво выслушал успокоительные замечания Мака. — Но каким образом вы здесь? Где вы были все время? — он подозрительно вытянул шею.

— Профессор, я услышал стрельбу и бросился на помощь! Что случилось? Бандиты?... Они убежали? В чем дело?

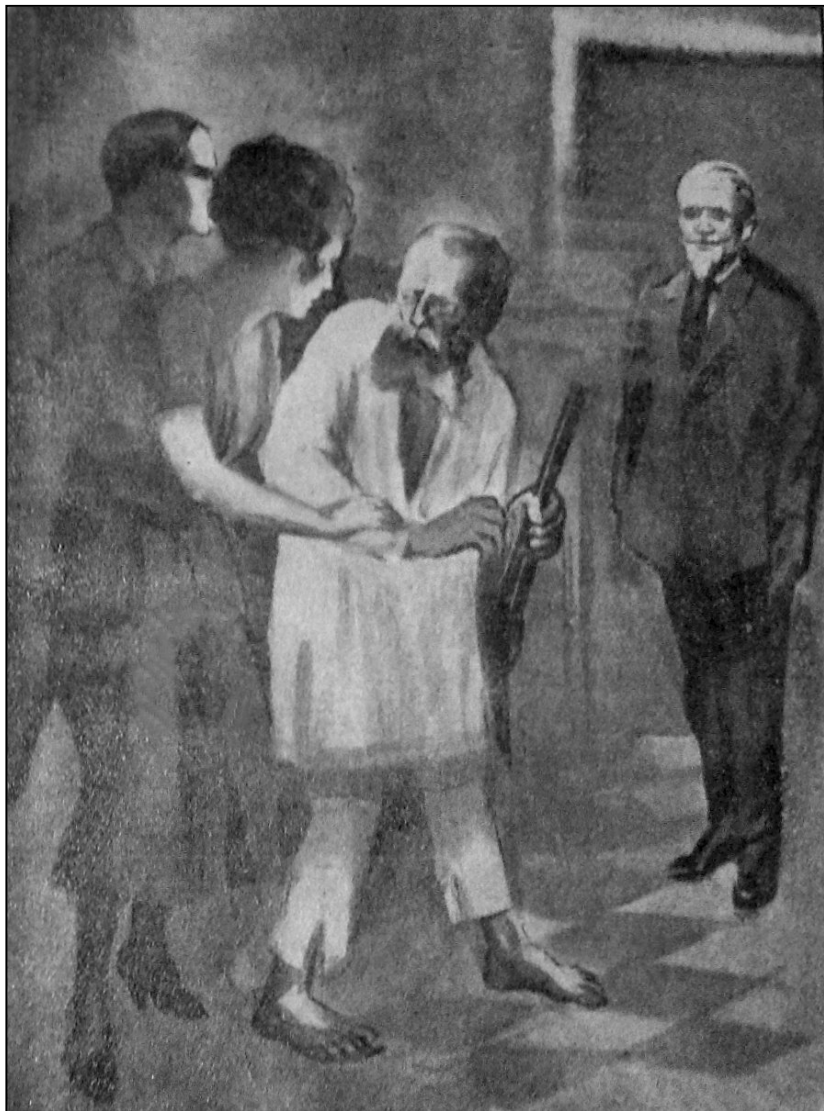
— Воры! — губы профессора нервно щелкнули и свеча заходила сильнее. — Мы сидели... я сидел... мы сидели в комнате! Я посмотрел в окно и подумайте — ужас, ужас — к стеклу прижимается чей-то нос! Бледный нос человека, смотрящего в комнату! Я схватил ружье, стреляю, подбежал к окну — стреляю еще раз. Он убежал — под окном не было никого! Это воры — я уверен — они охотятся за моими бумагами. Ужас, ужас! — и профессор зашаркал веревочными туфлями.

Во время разговора они немного отошли от двери. Щелкнувший выключатель заставил вздрогнуть обоих. Электрический свет залил комнату. На пороге стояло новое, незнакомое лицо.

Это был немного сутулый мужчина в серой пиджачной паре. Верхняя половина лица, с зачесанными назад седыми волосами, была украшена парой круглых желтоватых очков. Нижняя часть состояла из грязновато-белой козлиной бородки и густых, слегка закрученных усов. Нос пересекала черная полоса пластыря. Лицо незнакомца было почти мелового цвета и вызывало отдаленные воспоминания.

Профессор пришел в себя. Стыдливо запахивая цветное белье, он окинул присутствующих красными, подслеповатыми глазками.

— Мой друг Джон Кэрч! — он сделал извиняющийся жест в сторону Мака. — Англичанин, приехал выяснить кое-какие научные вопросы. Мистер Кэрч, познакомьтесь — это

В полосатом нижнем белье, без пенсне, сгорбленный и жалкий, в дверях стоял Доброворский с длинной двустволкой в правой руке.

ээ-э... товарищ Мак, если не ошибаюсь, репортер, — он с трудом произнес несколько иностранных слов. — Но я не понимаю все-таки, каким образом...

К нему подошла незаметно вошедшая к комнате Нина. Она вынула свечу и ружье из рук отца и нежно обхватила его за узкие плечи.

— Папа, ты расстроен, тебе надо лечь! Мы с мистером Кэрчем посторожим здесь! Мистер Кэрч, помогите же папе. Вы видите? — повернула она к Маку свое бледное лицо. — Я проведу вас наружу!

Мак прошел несколько комнат, миновал двор с сердито ворчащим псом, машинально вышел на улицу. Начинало светать. Очертания предметов выступали яснее.

Его нервы были напряжены. Придя в номер, он не раздеваясь бросился на постель, обдумывая необыкновенные события ночи. Мало-помалу мысли начали мешаться. Все чаще в кружащейся тьме сознания возникало бледное лицо в желтоватых круглых очках, с черным пластырем на носу. Затем исчезло и оно. Мак начал падать в светлый провал беспокойного, долгого, полубредового сна.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

в которой женские пальцы затягивают узел тайны.

Мак очнулся при ярком дневном свете. Разбудил сильный нетерпеливый стук из коридора. На часах пять — очевидно, дня, — он проспал больше двенадцати часов! В одной рубашке подбежав к двери, Мак с изумлением узнал, что визитером был не кто иной, как Маруся, черноглазая жена военлета!

Через две минуты, потягиваясь и зевая, полуодетый журналист впустил гостью.

— У меня такой беспорядок! — протирая глаза, Мак прикрыл измятую постель одеялом. — Вчера поздно, знаете, лег! — «Если бы она знала про эту фантастическую ночную историю!» — пронеслось в голове.

Маруся, не отвечая, два раза повернула ключ в дверной скважине. Затем, не снимая головного платка, села на единственный стул между столиком и кроватью.

— Вы... У вас есть какое-нибудь дело? — остановился перед ней немного недоумевающий Мак.

— Дело — да! — Маруся нервным движением провела рукой по усталым глазам. — Ну, товарищ, что вы теперь скажете о моем муже? —

— О вашем муже? — Мак прошелся по комнате и удивленно почесал затылок. — О вашем муже? Почему же я должен говорить о нем именно теперь, в таком экстренном порядке?

— Почему теперь? Потому что вы так же, как и я, видели, что он лжет! Вы видели — он преступник, он знаком с профессором, у них какие-то общие тайны! Я совсем разбита, не знаю, что делать, к кому идти. Может быть, вы...

Мак расслабленно сел на диван. В его голове были гуденье и болезненная тяжесть.

— Простите! — он мучительно поднял брови и потер лоб. — Вы знаете, я не спал почти всю эту ночь. Было такое дело... Честное слово, вы меня поражаете своим сооб-

щением! В какой мере я замешан в этом деле? Если намекаете на наш — согласен, глупый — спор с вашим мужем...

— На ваш спор? — теперь Маруся удивленно открыла глаза. — Но разве вы не знаете... Нет, не может быть... Разве вы не знаете, что это я была сегодня ночью в саду профессора? Что это в меня стреляли два раза! Что именно я и никто другой пробежал в двух шагах от вас!

— Вы? В саду? Так это в вас... — Мак вскочил на ноги и дико уставился на сидящую.

— Да, в меня! Вслед за вами я пробралась в сад Добротворского! Я приняла вас за другого — за мужа, вслед за которым вышла из дому и которого потом потеряла из виду. В саду вы исчезли, только потом, после стрельбы, я снова заметила вас... с ней. Войдя в сад, я пробралась к освещенному окну и увидела... увидела... — она упала головой на стол, подавляя детский, судорожный плач.

— Вы увидели, ну же, ну! — заинтересованный Мак склонился над ней.

— Я увидела моего мужа с профессором. Они сидели и серьезно говорили о чем-то. Я смотрела долго, потом начала подслушивать. Слишком близко прижалась к стеклу... Он — муж — верно, заметил меня. Он сорвал со стены ружье и прицелился. Я бросилась в сторону — думала, хочет просто испугать меня. А из окна как трахнет! Я побежала — чуть не наткнулась на нас... Упала, поползла в кусты. Он пальнул снова — мимо. Не помню, как выбралась! Он, он стрелял, хотел убить. С того самого времени не была дома! — Маруся снова начала надрывно всхлипывать, уронив голову и закрыв лицо руками.

— Но, Маруся, милая, успокойтесь! Он стрелял не в вас! Он видел только кончик носа! Как он мог разглядеть вас в темноте?.. Да что я! Ведь это же стрелял Добротворский! Вы путаете! Вспомните — верно, Добротворский схватил ружье и выстрелил в вас?!

— Нет, не профессор! — ее рыдания сделались еще отчаяннее. — Тот сидел, дрожал, как мокрая курица! Это стрелял он! И у него было такое злое, зверское выражение глаз.

Он или сошел с ума или... или разлюбил, совсем разлюбил меня... Эта дочь профессора...

Мак был поражен. Ведь профессор держал в руке двустволку. Профессор уверял, что это именно он стрелял в человека в окне! И вот она — эта хрупкая полудевочка — уверяет, что стрелял не Добротворский, а ее собственный муж — военлет. Уже не помешалась ли она, — мелькнуло опасение — зачем было врать Добротворскому? Зачем военлету отрицать знакомство и обставлять свои свидания с профессором такой тайной? Неужели снова дочь профессора? В прояснившемся уме Мака начали создаваться стройные схемы предположений. Женщина у стола продолжала плакать.

За дверью слышались легкие шаги; шаги замолкли, раздался тихий стук. Маруся подняла мокрое лицо.

— Да? — Мак повернулся ко входу.

— Вы дома, Александр Ильич? — звучный голос Добротворской заставил кровь Мака горячей волной пробежать по жилам. — Я зашла... Да ну, отворите же, впустите меня, наконец!

Маруся вскочила и крепко ухватила за плечо Мака.

— Я не могу встретиться с ней, товарищ! Спрячьте меня! Куда-нибудь! Сейчас же!

— Сию минуту, Нина Павловна! Проспал, знаете, одеваюсь! — крикнул Мак к двери. — ...Ну, куда же вас деть — видите — некуда! — этот шепот уже относился к женщине рядом.

— Две минуты, не больше... — снова адресовался он к двери — ...ну, куда? Видите, пустая комната! Просто выйдите и идите мимо... можете не кланяться. Не хотите? Черт! Ну, тогда лезьте хоть сюда! Больше некуда — ясно... — Мак откинул свешивающееся одеяло взъерошенной кровати... Маруся легла на пол... Мак еще ниже стащил одеяло и двинулся отпирать дверь.

Вторая посетительница вошла и сразу, как и первая, повернула ключ в замочной скважине. Потом сбросила пальто на кровать, близко подошла к Маку и положила к нему на плечи свои обнаженные руки.

— Александр Ильич, я пришла по важному делу!

Снова важное дело! Какие еще разоблачения предстоят впереди? Или, наоборот, — никаких разоблачений? Пришла одна к нему в номер, утром, заперла дверь... Он подо-
двинул ей стул и сел на кровать со сморщенным, касаю-
щимся пола одеялом.

— Александр Ильич! — повторила Добротворская тор-
жественно. — Вы, конечно, понимаете, что наше ночное сви-
дание, так не вовремя, — ее щеки порозовели, — прерван-
ное всей этой суматохой, — было назначено вам не зря! Ко-
нечно, у меня был повод! Именно по этому же поводу и се-
годня я подняла вас с постели!

Это важное, необыкновенное дело! Я отдаю в ваши ру-
ки судьбу моего отца, свою собственную судьбу. И потому,
прежде чем сообщать остальное, я должна взять с вас одно
обещание...

— Обещание? — задумчиво повторил Мак. — Значит, есть
действительно тайна, — подумал он, — его сердце приятно
забилося. — Совсем, как у Дюма или Конан-Дойля! И кто
бы подумал, что в этом паршивом городке...

— Да, обещание! Я введу вас в курс одной почти невер-
оятной истории. Но, повторяю, вы должны обещать мне,
что никто, кроме людей, которых мы посвятим в тайну, не
узнает об этом ни слова. Я обращаюсь к вам, как к другу,
Александр Ильич! Вы дадите честное слово, что ни один
из официальных представителей власти не будет введен в
курс дела!

— Нина Павловна, но, может быть, я не смогу сделать
этого! Может быть, сам характер ваших разоблачений...

— Вы сможете! — с ударением сказала посетительница.
В ее голосе послышалась легкая обида. — Будьте спокой-
ны — я не делаю вас соучастником какой-нибудь уголов-
щины. Последний раз — даете слово?

Мак кивнул головой.

— Хорошо. Дело, по которому я прошу вашей помощи,
состоит в следующем...

Она вынула из пальто и положила на стол пухлый бе-
лый конверт.

— В этом пакете, Александр Ильич, вся разгадка событий последних дней. Это копии, снятые мной самой с подлинных документов. Копии записок человека, погибшего на фронте под Медынском — вы знаете, здесь ведь был одно время фронт гражданской войны!

В руках этого человека — красного военного летчика — была значительная сумма золотом, доверенная ему для перевозки из одной части армии в другую. Из этих записок вы узнаете все пертурбации, случившиеся с этими деньгами.

Короче говоря — летчик, будучи не в силах доставить золотой груз по назначению, скрыл его здесь, под Медынском, в особом, обозначенном на плане месте. Летчик погиб. Его записки и план тоже порядком потрепались по свету. Все это время золото нельзя было достать из тайника, по соображениям, которые вы прочтете тут. Наконец, документы попали к английскому авантюристу Джону Кэрчу.

Кэрч был еще раньше знаком с отцом. Он списался с ним, предложил поделить найденные деньги. Отец согласился. Но здесь вмешался Иванов — отцу и Кэрчу пришлось привлечь в компанию и его.

Теперь слушайте меня хорошенько! Я женщина, но я все-таки понимаю, что присвоение этих денег очень похоже на кражу! Они государственное имущество, они принадлежат РСФСР! Кэрч — иностранец, он возьмет свою долю и скроется за границу! А мы? Я очень опасаюсь, что источник нашего обогащения откроется, и отец попадет в грязную историю. И вот потому-то...

Я долго мучилась, не думайте, что я открываю вам тайну сгоряча! Я предпочитаю бедность бесчестию, как ни избито звучит эта фраза! Я знаю — отец слишком увлечен своей идеей, иначе и он стал бы на мою сторону! Потому я и решила обратиться к вам. Вы любите меня, вы честный, хороший, смелый человек!

Мой план: нужно сделать так, чтобы, отправившись на поиски, отец и Кэрч не нашли денег. Но для этого нужно, чтобы их нашел кто-нибудь другой. Место клада находится

под самым городом — я думаю, что вы с двумя друзьями могли бы исполнить эту задачу. И еще...

Добротворская замолчала. Она положила немного дрожащую от волнения руку на рукав неподвижного Мака и заглянула ему в лицо.

— И еще, Александр Ильич, вы должны принести мне одну жертву!

Он молчал. Сквозь тонкую материю рубашки ее ногти больно впивались в его тело.

— Мак, вы знаете, что я люблю вас! Вчерашняя сцена в саду, моя откровенность с вами, все... Но раньше я любила другого человека. Я помогла ему — он оказался негодяем. Но я хочу сделать ему еще одну — последнюю услугу!

Эти бумаги должны быть прочитаны вами в присутствии Иванова. Ничем не намекайте, что вы знаете истинное положение дел, не показывайте виду, что вам известна его причастность — просто предложите ему поехать за кладом. Он увидит, что дело проиграно и согласится. Он должен согласиться. И если даже он для вида будет отказываться — уговорите его! Это выведет его из тяжелого положения, предохранит от кражи народною имущества. Он будет спасен! Вы сделаете это, Мак?

Мак нахмуренно покачал головой:

— Нина Павловна, поймите, зачем я буду делать это? Он мой соперник, выражаясь высоким слогом...

— Он никогда не был им! За много до того, как я увидела вас, все наши отношения с ним были порваны. Это последняя услуга!

— Но, вы знаете, Иванов отрицает всякое знакомство с вами!

Добротворская вскинула горящие зрачки:

— Отрицает? А разве вы говорили с ним обо мне? Может быть, вы даже упомянули портрет?

Мак до боли сжал кулаки. Опять! Снова проболтался, как мальчик! Он поднял на нее широко открытые, правдивые глаза.

— Нина Павловна, как вы можете!.. Ведь я же обещал вам... Нет, просто вас видели на бульваре, зашла речь... Ну,

хорошо, я согласен на вашу просьбу. Вы понимаете, как мне больно это...

— Но вы обещаете? — прошептала она, продвигаясь ближе.

Его ногу, повыше полузашнурованного ботинка, сжали цепкие пальцы лежащей под кроватью.

Он тоже потянулся к ней... Но в тот же момент, вздрогнув, разжал руки и холодно встал с постели.

Его ногу, повыше полузашнурованного ботинка, сжали цепкие пальцы лежащей под кроватью Маруси, о самом существовании которой он забыл в последние минуты.

— Хорошо, Нина Павловна, — он помог дочери профессора надеть пальто, — ваше желание будет исполнено. Но времени терять нельзя. Я оденусь и сейчас же предприму первые шаги!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Как трое за столом читали записки неизвестного

Перед глазами, как сгусток красного пламени — длинный лоскут флага. Под толчками легкого ветра флаг вьется по верхней линии облупленного фасада. Еще дом — снова красный лоскут! Еще дальше — понурое полотнище чуть не задевает за головы прохожих. Мак вспомнил: завтра великий день города, авиационное торжество, выпуск эскадрильи «Ленин». Редакция ждет — нужно бы засесть за новый очерк, а тут эти дикие приключения...

На углу Советской Мак столкнулся с Фениным. Маленький техник крепко и сосредоточенно пожал его руку.

— Все осматриваете? А я вот без дела шатаюсь: отпуск мне двухнедельный вышел, а как-то чудно без работы! — Фенин начал свертывать цыгарку.

Мак предложил папиросу. Пока закуривали, разжигая на ветру гаснущие спички, Мак успел уже обдумать новую идею.

Ему пришла прекрасная мысль. Ведь такой именно человек нужен в деле с золотом. Энергичный, свободный, не болтливый. Еще неизвестно, как встретит Иванов неожиданное известие! А этот, кроме того, в несомненной дружбе с ним! Мак решил посвятить Фенина в тайну документов.

— Куда сейчас, товарищ? — прищурился техник.

— Я к Иванову... Дело одно есть... секретное... Но я хочу посвятить и вас. Вы согласитесь дать обещание молчать. Погодите-ка, я объясню вам...

Так был привлечен новый соучастник. Мак шел, вполголоса излагая ему всю историю дела.

Воспользовавшись их разговором, посмотрим, что делает в это время третье заинтересованное лицо — Иванов.

Иванов сидит посреди комнаты с тщательно опущенными занавесками на окнах. Освещение электрическое. Спина Иванова упирается в жесткую спинку кресла, ноги — в

металлические педали около пола, между коленями — черный стержень, верх которого сжимает рука военлета. От кресла ползут по полу и теряются в стенах белые черви проводов. На стенах — ряды лампочек и странные стеклянные коробки.

В комнатном мраке тихо. Слышно только мерное дыхание сидящего. И если бы было светлее, если бы мы могли видеть сквозь стену тьмы, мы увидели бы, как быстро и уверенно, сообразуясь с сигналами, действует рычагами человек, сидящий в кресле. Вспышки на стене ускоряются, приобретают вид какого-то огненного танца. Но человек в кресле так же легко и уверенно ведет свою необычайную работу.

Затем дают свет, Иванов пересаживается в другое кресло, берет в кулак толстый конец уходящего в стену шнура. Снова мрак.

Он чувствует острый болезненный удар в ладонь — действие электрического тока. Боль не прекращается.

Он не отпускает резиновую грушу, но стискивает ее сильнее. Боль усиливается, как будто огненная искра бьется в кулаке. Терпеливо, с каменным, строгим лицом Иванов сидит на месте.

Резкий звонок — он бросает провод, встает с кресла. Комната освещается. Входит толстый, добродушный человек в военной форме.

— И это все, доктор?

— Все! — доктор дружески хлопает по плечу Иванова. — Но, черт меня возьми, вы — настоящий образец идеального летчика. В нашей работе это немногочисленные случаи — такая точность и четкость рефлексов при полном спокойствии организма. Понимаете, в вас нет не крошки этой самой невзрачности.

— Значит, годеи! — улыбается Иванов.

— Еще бы не годеи! Если бы все люди были такие, у нас не было бы нервных болезней. Да, совсем забыл, голубчик, там вас спрашивают двое... Ждут возле дверей.

Иванов вышел наружу. С низенькой скамейки поднялись две фигуры — Мак и Фенин.

— Вы за мной? Что так не вовремя? — Иванов дружески встряхнул протянутые руки. — А я вот здесь на испытании был. Психо-физическая лаборатория. Последнее слово науки! Испытывают весь летный состав. И чего только не выдумывают. Чудаки! — покрутил головой летчик.

Они отошли на несколько шагов. Мак остановился и пристально взглянул в бесцветные глаза Иванова.

— Есть одно дело, товарищ.

— Дело? Ладно, поговорим по дороге. Жена меня, верно, заждалась, со вчерашнего вечера дома не был. — Военлет, как ни в чем не бывало, двинулся вперед.

— Товарищ Иванов, вашей жены нет в городе. Она просила передать — на два дня уехала к матери в деревню. Вы...

Иванов резко обернулся и, уставившись на Мака, засунув руки в карманы, стал покачиваться всем своим угловатым телом.

— В деревню к матери? Не сказав мне ни слова? Право, вы удивляете меня. И она выбрала вас своим поверенным? Еще раз странно! Вы, конечно, сейчас же объясните...

Мак вынул из кармана пальто и снова спрятал пухлый пакет.

— Это касается золота, зарытого в лесу, — отдельно произнес Мак.

— Золота, зарытого в лесу? — Краслет смотрел изумленно.

— Ну да! Здесь все документы. Я приглашаю вас и товарища Фенина для того, чтобы совместно прочесть эти бумаги и предотвратить похищение народного имущества! — Мак потупил глаза. — Думаю, что в связи с этим вы уясните себе и отъезд вашей жены...

Военлет недоуменно грыз сорванную травинку.

— У вас странный тон, товарищ, — медленно сказал он, наконец, — я не возьму в толк... Значит, вы утверждаете, что отъезд Маруси имеет какое-то отношение к потрохам этого пакета. В таком случае... Но где же мы будем читать его?

— Если желаете, мы пройдем в мой номер. Или на вашу квартиру — пожалуй, ближе.

И вот мы застаем всех троих в уединенной столовой Иванова, вокруг обеденного стола, покрытого пестрой скатертью. Стол освещает двадцатипятисвечная лампочка, на тонком шнуре спускающаяся с потолка. На столе лежит белый запечатанный конверт.

Костлявый Иванов сидит на плетеном диванчике у стены, — на его лице немного обидное, скучающее удивление. Коренастый, темнолицый Фенин у стола подперся ладонями рук, внимательно рассматривая матерчатый узор перед ним. Бледный молодой человек в сером пальто сидит напротив. Его худые пальцы разрывают конверт, вытаскивают его содержимое. Это — аккуратная стопка листов, исписанных машиночным шрифтом. Она распадается на два отдельных свертка, на одном, положенном отдельно листе, странный рисунок — нечто вроде контуров паука со многими странно надломленными лапами, подробный план местности. Лихорадочными движениями Мак взял первую пачку.

— Понимаете, товарищи, это копия подлинника. Записок, конечно, нельзя было взять, не вызвав подозрений. Но странно — здесь нет начала. Ага, вот пометка: «Читать с этого места». Ну, я начинаю.

Действительно, записки как бы не имели начала. Они начинались с полужелания: «Третий день на этом полутемном чердаке». Дальше шел уже сплошной текст.

— ...Третий день на этом полутемном чердаке, — немного монотонным голосом прочел Мак.

— У меня есть чистая записная книжка, есть нож, есть огрызок карандаша. Сегодня весь день, до назначенного времени, я пропишу эти записки. Вместе с планом местности они будут закопаны в определенном месте, там, где их не найдет никто, кроме меня и еще одного человека. Кто знает, чем кончатся мои скитания, мой сегодняшний побег. Я должен оправдаться этими записками, должен объяснить, почему не было выполнено задание, как погиб самолет, где скрыто золото.

Я не знаю, через сколько времени будут извлечены эти листки. К тому времени может забыться основная ситуа-

ция. Поэтому начну с описания положения, в котором находился наш авиаотряд перед тем, как я получил задание.

Мы, имеющие связь с военным делом, знаем наследство, полученное от империалистической бойни!

Несколько сотен вынесших долгую службу Сопвичей и Ньюпоров с расшатанными крыльями и переработанными моторами, — вот авиационная часть этого наследства. Новых самолетов, конечно, не выделявали, с трудом уберегали старые. Разве когда отобьешь у противника какой-нибудь аэро последней системы.

И все-таки мы летаем! На облезлых, потрескавшихся, заплатанных крыльях, с тяжелым грязным бензином, с винтами, носящими следы пулеметных пуль, на «летающих гробах», мы поднимаемся во всякую погоду, в дождь, в снег, в туман, мы поднимаемся навстречу выложенным аэропланам противника! И наши красные орлы, сильные верой в рабочее дело, сбивают эти бездушные новенькие машины!

Хоть теперь, скажу откровенно, (я пишу эти строки в июне девятнадцатого года), положение воздушного флота дошло до точки. Помню, какой случай произошел незадолго до моего отъезда.

Двум товарищам было дано задание взорвать пути в тылу противника.

Поднялись на дряхлом Сопвиче, с динамитом, со всей снастью.

Прилетели к рельсам, спустились, прикрепили патроны к шпалам. Только видят — вдруг белый патруль к ним бежит. Однако, думают — успеем. Запалили фитили, бегут к самолету, добежали, уселись.

Пустили мотор на полный газ. Пропеллер крутится, а самолет на месте стоит. Машина как будто в порядке — самолет ни с места. Да тут еще сбоку белые насаждают! Начали отстреливаться, те в штыки. Обоих прикололи, самолет уволокли. Так и не поднялся он. Потом один очнулся, дополз до деревни, оттуда и мы узнали. Это к тому я веду, в каком подлом состоянии наш воздушный инвентарь был.

Несем мы, главным делом, службу разведчиков и истребителей. Однако, и всякие другие дела делать приходится. При полупартизанском, растрепанном фронте странный вид принимает иногда наша работа.

Был случай, когда наш самолет во время разведки напал на батальон белых. Летя почти у земли, работая обоими пулеметами, он обратил в бегство целый участок фронта. Бывало — удачно брошенная бомба меняла все боевое положение. К таким вот экстренным поручениям принадлежало и мое...

В странное время мы живем теперь. Не Россия, не РСФСР, а огромный, грохочущий лагерь. Со всех сторон — наступления, интервенции, блокады, белые, иностранцы, бандиты. Никто не знает, где очутится завтра, как и в какую сторону изогнется фронт...

В то время наша эскадрилья стояла верстах в шестидесяти от Медынска. Белые шли на прорыв — работали мы, как бешеные, всякий день у каждого по несколько налетанных часов было. Но генералы перли и перли — должно быть, последние резервы собрали. В результате правый фланг армии пропал неизвестно куда.

Он исчез совершенно — точно ветром сдуло несколько полков. Поднимались мы на продолжительные разведки — не нащупывали никаких следов. В полное же уничтожение противником не верилось — очень уж значительная часть была отрезана. Работал телеграф, работала контрразведка, работали наши летчики. И вот внезапно пропавшая армия подала о себе весть.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Как самолет спустился на землю

...Это было после целого дня демонски-утомительной работы. С несколькими другими я как раз сделал длительный полет над фронтом противника. Спал, должно быть, как удушенный, и проснулся, почувствовав, как кто-то тербит тербит меня за плечо и стаскивает с койки.

Открыл глаза — а окне темно, разве только немного светлее обычной ночной черноты. Вгляделся — кто предо мной — вижу — начальник эскадрилья. Сел.

— Товарищ Штреб, — говорит начальник, — собирай свои монатки и пойдем.

— А сколько время? — спрашиваю, натягивая сапог.

— Время, — говорит, — детское. Четвертый в начале!

Пошли лагерной улицей. Вижу — ведет меня начальник будто к штабу. В чем дело? Тут он сам рассказывать подался.

— Товарищ Штреб, штаб только что получил известие об отрезанных частях. Оказались в полной сохранности. Они отступили и укрепились около Мавры — в ста трех верстах отсюда. Это вне линии боев, смекаешь! Население и крестьяне — ничего, прогнали наши ребята бандитов, установили там советскую власть. Только вот денег, понимаешь, не хватает. Начпобриг телеграммой просит тысяч двадцать золотом. В нашей кассе хватит! Мы посылаем туда эти деньги!

Помедлил начальник, кладет руку ко мне на плечо.

— Товарищ, это дело щекотливое, все-таки такая цифра. Но ты человек испытанный, тебе доверять можно. Нас разделяют белые, да леса вокруг — золото можно доставить только летом. Чувствуешь? Доставишь мешок и привезешь расписку. Вылетите сейчас — я уже велел твою машину готовить. Как она у тебя?

— Машина ничего, работает!

— Ну, вот. Наблюдателем тебе даем Сумина. Он малый на ять — металлист бывший, подпольщик... А вот и штаб. Золото получить и командировку.

Хорошо — входим. Штаб как штаб, — все мы знаем, какие они из себя бывают. Прокуренная комнатка, по углам винтовки грудями, карты, пестрые плакаты. В середине стол, около него — человек пять столпились. Подошел ближе, смотрю.

Лежит на столе газета развернутая. На газете — груда золотых кругляков с четверть аршина высотой. Комиссар возьмет монетку, передаст начштабу, тот ее в брезентовый мешочек. Остальные смотрят, счет ведут. Смотрю и я.

Наконец, кончили, мешок завязали. Круглый, тугой, на двух ладонях уложится, а весом больше пуда. Руку так и оттягивает. Дали его мне с бумагами, пошли к самолету.

Интересно знать, что говорят всякие там кабинетные... спецы о теперешнем состоянии нашей авиации? В каком виде может быть самолет, из ночи в ночь стоящий без всяких крыш и футляров — прямо под открытым небом. Разве только мы брезентом наших летунов прикрывали, да в лучшем случае, на скорую руку навес сколачивали.

Вижу — совсем готов мой коняга. Выведен из под навеса, один моторист мотор проверяет, другой под брюхом возится. Стали пропеллер запускать. Подхожу и я.

Спрятал мешок под сиденье, привязал хорошенько. Еще раз осмотрел мотор, тросы управления, пулеметы — ни один летчик не подымет, своими глазами не увидав, все ли в исправности. Тут и Сумин подошел. Сели. Даю полный газ. Пошли.

Путь наш я еще до подъема вычислил. При скорости сто пятьдесят мы в Марве через три четверти часа будем. Мотор работал исправно, высоту хорошо забрали. У меня перед глазами измерительные приборы, карта, у наблюдателя сзади — полевой бинокль. Все в порядке.

Но тут-то и началась переделка.

Когда мы вылетели, на земле еще темновато было. А тут в высоте — полный свет. Летим над расположением белых. А они как начнут почем зря крыть.

*Комиссар возьмет монетку, передаст начштабу, тот ее в
брезентовый мешочек.*

Первая шрапнель разорвалась далеко — красивым таким желтоватым облачком. Разрыва за трескам мотора почти не слышно. Вторая ближе, третья еще. Нашупывают. Беру ручку на себя, забираю высоту и влево. Снова начинают настигать. Разрывы так кругом и ложатся.

Странное ощущение — лететь в версте, в двух над землей и знать, что кто-то на тебя охотится, что каждое такое облачко, окажись оно около, и тебя, и машину твою в горячий бифштекс обратит! Мы-то привыкли, а вот если кому впервой — думаю, жутковато.

Однако, постреляли, постреляли и бросили. В чем дело? Чувствую — наблюдатель меня за плечо трогает.

Обернулся — вижу, приподнялся он на сиденье, из-под шлема — возбужденные глаза, показывает вниз черным пальцем в кожаной перчатке. Я посмотрел.

Земля — мутная, зелено-синяя мягко плыла на запад. Под ногами темно-синяя лента реки, светлые пятна домов, четкие морщины дорог и окопов. И вот над самой поверхностью выделяется, блестя плоскостями, крестик самолета.

Сквозь гром мотора улавливаю слова наблюдателя.

— Смотрите — еще один! — его палец показывает как будто уже и другое место.

Смотрю. Из светлого крестика выросла целая летная машина — идет, несомненно, к нам. А от земли еще одна такая же штука подымается.

Конечно, при других обстоятельствах я бы немедленно принял бой. Такая уж наша профессия — мертвых петель и пулеметных обстрелов. Однако, с пудом золота, при срочном задании...

Выдался пасмурный день. Как раз над нами висела темная завеса туч. Накручиваю высоту — 1000, 1200...

Мы теряемся в мокром густом тумане. Может быть, уйдем!

Пробив молочную занесу, снова набираю скорость. Ушли определенно! Нет! Немного позади из облачной каши выталкиваются две одноместных машины.

Все дело в том, что мой двухместный разведчик уступал в скорости одноместным Ньюпорам противника. Я ог-

лянулся — Сумин хладнокровно и тщательно готовил пулемет. По стальному полукругу перед сиденьем передвигался короткий черный ствол. Я осмотрел свой — привинченный впереди над стеклянным щитком перед глазами. Пощупал рычажки у ручки — что ж, надо отгрызаться...

Высший пилотаж — вот, пожалуй, главное в воздушном сражении! При помощи разных сложных фигур и поворотов нужно зайти в наиболее уязвимое место противника — сверху, сбоку, с хвоста и полить его оттуда свинцовой струей. А когда перед вами не один, а целых два противника, наука крутых виражей, скольжений на хвост и на крыло и прочая летная мудрость приобретает особое значение...

Два врага — серебристые, стремительные, неподвижно распластанные хищники с сияющими кругами винтов впереди и внимательными лицами летчиков за ними — брали нас с разных сторон. Я воспользовался этим.

Я бросился на одного, сжимая пальцем пулеметную кнопку. Сзади била мерная чечетка суминского пулемета. Промчавшись мимо, — над моим ухом свистнул смертельный бич, — я круто забрал высоту и стал между солнцем и вражескими машинами.

Теперь я мог их рассмотреть сверху. Один из пилотов — с выступающими из кабинки офицерскими эполетами и лихо заломленной на голове фуражкой — тоже брал высоту, резко задирая нос машины.

Другой шел в боковой обход.

Я начал пикировать на первого противника.

Все, конечно, знают эту введенную немецкими летчиками фигуру. Я выключаю мотор и сдвигающимся носом, мотором вниз, резко, несколько метров в секунду, лечу на находящегося подо мной. Получается впечатление, что я хочу сшибиться с вражеским аэропланом! Потом, когда противник уйдете дороги, выравниваю планы и снова становлюсь в позицию, уставившись вверх неподвижным лбом машины. Трюк рассчитан главным образом на нервность неприятеля! Хотя, сказать откровенно, ни один приличный летчик вообще не должен знать, что такое нерв!

Но мой золотопогонный враг, очевидно, не знал этого. Увидев отвесно падающий самолет с двумя гремющими пулеметами, он нелепо рванулся в сторону. Возможно, что и несколько десятков верно направленных пуль сыграли здесь свою роль. Как бы то ни было, машина белого начала куваться и исчезла в серой поверхности под нами. Я повернулся ко второму.

Он не зевал в это время. Он бросился мимо, почти задев крылом наше хвостовое оперение. Я почуял ровный треск его пулемета и увидел мгновенно возникшую линию дыр, идущих от конца крыла к нашему мотору. Он сделал резкий вираж и снова пошел в атаку.

Можно представить себе эту картину — в голубой прозрачной бесконечности над темной линией туч выются друг около друга два ядовитых огромных насекомых с широко разбросанными поверхностями мощных крыльев. Внутри каждого — человек, единственная мысль которого — уничтожить, сбросить, вывести из строя машину противника. Если принять во внимание, что летчик серьезно поврежденного самолета почти никогда не достигает земли живым, мы поймем серьезность и ожесточение такого боя!

Итак, наш противник оказался искусным и упорным бойцом. Но на полдороге к нам с ним произошла нежданная авария.

Серебристая машина начала медленно наклоняться — из-за стеклянного щитка за пропеллером смотрело совершенно бледное лицо. Потом по передней части корпуса пробежали почти невидимые голубоватые тени. Пополз легкий дымок. Мы подожгли вражескую машину!

Самолет перевернулся через крыло и выровнялся опять. Пламя быстро распространялось.

Центром огня был бензиновый бак. Черным пламенем вспыхнул фюзеляж. Начала гореть обшивка крыльев.

И вот мы увидели, как в дымном бесцветном огне продолжающего сохранять равновесие самолета выросла скорченная фигура. Фигура закрыла лицо выброшенными вперед руками; отделившись от самолета, она темным камнем

пронеслась вниз. Летчик предпочел мгновенную смерть медленному сгоранию в падающих обломках!

Через несколько секунд жарко пылающий факел исчез в верхних слоях облаков!

С обоими было покончено. На это пошло не больше пяти минут. Мы снова неуклонно шли в нужном направлении.

Но в то же время я с легким сердцебиением почувствовал, что и с нами произошло что-то неладное.

Мотор работал неровно, машина давала правый крен, указатель скорости отмечал катастрофическое снижение, а обернувшись к Сумину, я понял, что не одним этим выражается начало наших неудач.

С моим наблюдателем что-то произошло. Он весь осел в кабинке, выставив над ее бортом бессильно склоненную вперед голову в шлеме. Убит, без сознания, ранен?

Посмотрел на измерители: альтиметр давал меньшую высоту, указатель скорости отметил огромное снижение. Воздушный бой все же оказался для нас роковым!

Я не хотел спускаться! Я знал, что вынужденная посадка в центре враждебной территории грозит многими опасностями и приключениями! Но, к сожалению, мое желание играло здесь очень небольшую роль.

Еще раз альтиметр! Мы падали, падали со скоростью сотен метров в минуту!

Выбора не оставалось. Я выключил подозрительно стреляющий мотор и перевел самолет на планирование. Спуск замедлился, принял более нормальный вид. В ушах свистел ветер. Мы падали виляющей змейкой, делая зигзаги над непомерно быстро вырастающей землей.

Внизу была зеленая, несколько меняющая в одну сторону цвет, поверхность. Как-то сразу эта поверхность превратилась в сплошной лиственный покров и начинающееся от него ровное поле с проселочной дорогой и кучкой домиков вдалеке.

В моем положении не приходилось слишком выбирать место посадки. Только... по возможности... сохранить... от

крушения... Я выбрал травянистый плац у самой опушки леса.

Я сделал последнее движение рулями и отстегнул ремни сиденья. Трава надвинулась почти вплотную. Самолет скользнул по твердому грунту.

Подпрыгивая, мы пробежали несколько метров и остановились, увязнув правым колесом, в неглубокой рытвине и устремив к небу левое умоляющее крыло...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

О том, что произошло в поселке

Три вещи подлежали выяснению прежде всего: насколько сильны и как можно исправить повреждения самолета, состояние Сумина и ориентация - в месте посадки.

Последнее было почти невозможно определить. Во время боя я потерял ориентировку, не до того было и Сумину. Я знал одно: судя по времени полета, мы должны были быть недалеко от места назначения. Лесистая местность показывала, что зона расположения белых войск осталась позади.

Справа неподвижно вытягивались темные стволы, протягивая к нам мохнатые шуршащие тусклой зеленой лапы. Слева — вдалеке — чернела кучка домиков и плетней, около которой двигались человеческие фигурки. «Мирные крестьяне», — сказал мне бинокль. Несколько фигур темным растущим пятном двинулись в нашу сторону. Я подошел к Сумину.

Он был жив. Толчок от соприкосновения с землей привел его в сознание. С искривленным болью желто-зеленым потным лицом он дрожащими пальцами пытался расстегнуть ремни сиденья.

Ремни разомкнулись. Опираясь на меня, Сумин вылез из кабинки. Но, коснувшись земли, он пошатнулся и неожиданно упал плашмя.

Весь бок шинели был пропитан темной сочащейся жидкостью. Я расстегнул одежду. Пулеметная пуля навывлет пробила бок. Крови было немного, думаю, имело место маленькое кровоизлияние внутрь. Я быстро перевязал рану. Сумин мог говорить только полупшепотом, придушенным и хриплым.

— Оставь, товарищ, — его липкая рука стиснула мою кисть, — что с самолетом? Мотор... брось меня здесь... Золото... — он закрыл ввалившиеся глаза.

Действительно, пришло время заняться самолетом. Стремительный спуск — фактическое падение — привлекло к нам внимание чуть ли не всех жителей поселка. Прибежали рваные, босоногие мальчишки и опасливо столпились в отдалении. Потом прибавилось несколько взрослых. По дороге тянулись все новые любопытные. Не обращая на них особого внимания, я подошел к машине.

Ее положение было ужасно. Пули белых успели-таки наделать нам вреда!

Был пробит цилиндр, испорчено зажигание. Я не говорю уже о многих следах пуль на крыльях и стабилизаторе. Что делать?

— Что делать?

За короткое время осмотра, любопытных накопилось больше, чем можно было ожидать. Человек тридцать в грязноватых цветных рубашках, с морщинистой кожей цвета шинельного ремня, частью в смазных сапогах, частью в новеньких лыковых лаптях стояли плотной стеной, громко дыша, не произнося ни слова и рассматривая мой аппарат. Я выпрямился. По толпе прошел тихий гул, она сдвинулась плотнее.

Скажу откровенно — сообразительность — основное качество каждого красвоенлета! Я быстро сопоставил возможности, оценил основную конъюнктуру. Положив руку на крыло, я начал мою первую публичную речь.

— Ребята, — сказал я, небрежно опуская руку в карман шинели. — Вы видите, со мной произошло несчастье. Самолет разбит, товарищ ранен. Я похож на воздушный шар с выпущенным газом! Вы видите, — моя рука продвинулась к опознавательным знакам — пятиконечным звездам на концах крыльев самолета, — мы красные, ребята! Нам нужно пробраться к своим. Они недалеко — вы, конечно, знаете где. Нужна лошадь с телегой! Плачу николаевскими!

Последняя фраза подействовала лучше всех. Толпа заволновалась. Вперед вышел узкогрудый мужик в высоких сапогах, с расстегнутым воротом рубашки.

— Что же, довести можно, — мужик заскреб волосатую грудь, — хоть я доведу, хоть кто другой. Только уж ты, това-

рищ...или как там тебя... не оммани. Расплатись по-божески. Кто вас знает, живодеров, — докончил он уже тише.

Я понял. Чтобы поднять самолет, нужно дать регулятор на полный газ! Чтобы мне поверили, нужно показать деньги! Но в том и дело, что при мне были только наши дензнаки. Рисковать — доставать золото из мешка...

Между тем, толпа скисала. На мое новое обращение последовал такой же уклончивый ответ. Нужно было сделать нечто решительное.

И здесь произошла самая в моей жизни непростительная глупость!

Я взглянул на распростертого в траве раненого, на самолет, на добродушные лица крестьян и решил рискнуть. Я влез в наблюдательную кабину, вынул мешок из-под сиденья, раскрыл его и вытащил пару десятирублевков.

Сделал я это, конечно, не слишком неловко, собственным телом и бортами кабины заслонив мешок от нескромных взглядов. Но все-таки таковые имелись. Наметанные на мешочниках мозги сопоставили с моей возней в самолете появление на свет божий двух кружков мягко-желтого блеска.

Все остальное пошло как по маслу. Двое подняли на руки глухо стонущего Сумина, открывая наше шествие в деревню. За Суминым шел я, неся под мышкой запутанный в шинель, оттягивающий руку груз.

Опять промах — мне нужно было как-нибудь незаметнее вынуть пудовый тючок. Слезающий взгляд того же узкогрудого парня заприметил мои странные усилия.

Итак, мы пришли в деревню. Деревня оказалась рядом крепко сбитых, полугородского образца домиков с железными даже крышами. Нас провели внутрь второй от края избы.

Сумина положили на лавку. Везти с собой человека в его положении было невозможно. Я решил поручить его попечениям кого-нибудь из крестьян. Высланный мной по прибытии отряд красноармейцев сделает что-нибудь с ним и с брошенным самолетом!

В бревенчатой комнате стлался мягкий полумрак. В маленькое окошко я видел мальчишку — хозяйского сына — запрягающего лошадь.

Самого хозяина не было — он исчез неизвестно куда. Я сидел на лавке у окна и жадно пил топленое молоко из горячей глиняной миски. Я был счастлив в предвкушении благоприятной развязки моего дела!

Наконец, телега готова, нужно ехать. Пожал руку моему беспомощному товарищу, подхватил сверток под мышку, вышел на крыльцо. Но то, что я увидел, было некоторой неожиданностью даже в этот день событий и приключений.

Перед избой собралась густая толпа тревожно ропщущих крестьян. К уже виденным прибавилось много новых. Мой узкогрудый знакомец и здоровый мужчина в черном пиджаке и смазных сапогах были, очевидно, главарями сборища.

Сделав вид, что мне плевать с высокого дуба на все опасения и страхи, я прижал локоть к мешку и двинулся вниз.

Бородач в пиджаке стал на моей дороге.

— Ну что? — мой резкий окрик заставил его отшатнуться.

Но толпа прихлынула снова, выталкивая делегата вперед.

Он заговорил:

— А то! Мочи нашей не стало. Красны, белы — много вас здесь шляющих. Каждый тащит, каждый на чужое зарится! Лошадей увели, скотина передохла. Мочи, говорю, не стало. А ты вот что — отдай мешок и уходи с богом.

Я не произнес ни слова. Но, должно быть, мое лицо приняло дьявольски-страшное выражение. Толпа шарахнулась, в задних рядах закрестились. В то же время в руках у многих сверкнули ножи и короткие утрюмые обрезы. Я выхватил наган.

Из заднего ряда хлопнул выстрел. Пуля ударилась у косяка в двух вершках от головы.

Выстрелив в самую гущу, я прыгнул назад и запер дверь на задвижку.

Я понял все. Ясно — это обыкновенное бандитское гнездо — логово кулаков и самогонщиков! Простые крестьяне не стали бы действовать так решительно.

Досчатая дверь затрещала. Сзади послышался стон.

Я обернулся. На скамье, согнувшись почти до колен и придерживая бок рукой, сидел Сумин. В слабом кулаке качалось дуло револьвера. Несколько раз он пытался начать и не мог выговорить ни слова.

В дверь ударили теперь уже чем-то тяжелым. Я придвинул к ней стол и поднял револьвер. В этот момент Сумин собрался с силами.

— Подожди, Штреб, — его слова пресеклись стоном, — подожди. Мне умирать... Ты все равно не отсидишься здесь. Помоги сесть наискось от двери... Так... Черт, какое мученье... Теперь выстрели сквозь дверь — они отбегут. Тогда быстро распахни ее — пока отсюда будут стрелять, они не решатся ворваться... они не догадаются — они думают, что я совсем выбит из строя. Ты вылезешь в это окно — телега еще ждет. Гони к лесу. Мы перехитрим... Понял?

Бедный Сумин, честный, храбрый товарищ! Раненый, умирающий, раздавленный страшной болью, он нашел в себе силы оказать последнюю услугу рабочему делу! Пусть читающие эти записки вспомнят добром красного героя, погибшего безвестно и одиноко!

Я поступил так, как сказал он. Выстрел через доски наполнил громом и дымом избу и отогнал от двери осаждающих. Я отбросил досчатую поверхность и снова пальнул в открывшийся прямоугольник.

Тогда стал стрелять Сумин. Разумеется, он не метился, да и не в этом совсем было дело. Нужно было приковать внимание бандитов к двери. А в это время я подбежал к боковому, открытому снаружи окну.

Едкий пороховой дым застилал нутро дома. Я тихонько выставил раму—наружный воздух обвеял лицо необыкновенным ароматом. Я просунул в окно одну руку, потом часть туловища, почти вылез, вернее вывалился сам и вытащил драгоценный мешок.

Я подбежал к боковому, открытому снаружи окну.

Мне везло — здесь не было ни души. С другой стороны кричали, грохотала стрельба, сыпались стекла. Пошатываясь, я пробежал несколько шагов, бросил сверток на соломенную подстилку телеги, вскочил в нее сам и ударил лошадь вожжами. Она рванулась вперед, сразу ударя всеми четырьмя копытами. Мы вынеслись на проселочную дорогу.

Меня увидели — вопль многих голосов возвестил это.

Я вскочил на ноги, покачиваясь на прыгающем дне телеги, выкрикивая бессвязные фразы. Я закрутил в воздухе длинный конец тонкий веревочных вожжей. Скоро дома, плетни, крики затерялись вдали.

С быстротой цепеллина, удирающего от четырех истребителей, моя худая клячонка неслась вперед и вперед — к растущему зелено-синему, необъятному лесу.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

О том, как было зарыто золото

Но, проскакав всего километра два, я понял, что этот способ передвижения в глубокой степени ненадежен и слаб. Несмотря на все усилия, мой экипаж уже начал сдавать, переходя в привычную рысь повседневной езды. А между тем, добрых два десятка верст отделяли меня от дружеского лагеря. Что оставалось делать?

Посреди узкой черной, с глубокими колеями дороги я остановил телегу, соскочил на землю и обрезал кожаные постромки. При помощи вожжей мешок был прикручен к острому, вздрагивающему крестцу. Потом, вскочив сзади сам и употребляя все меры воздействия, я снова погнал мою рыжую скотинку.

Подкрепляемая энергичными пинками, она проскочила первые редкие деревья леса и поскакала по широкой лесной тропе.

Скажу откровенно — у меня не было никакого плана действий, вернее, был один — основной план. Я решил как можно быстрее проехать лес, придерживаясь главной магистрали. Я знал — непосредственно за лесом начинались наши посты. Мне казалось почему-то, что после удачного бегства от бандитов покончены всякие отношения между ними и мной. На самом деле оказалось, что я недооценил притягательной силы моего проклятого груза.

Моя лошаденка шла крупной рысью, подбрасывая меня на хребте, остром, как руль Ньюпора. Кругом была лесная тишина, мягкий шорох листьев, чириканье птиц, качание ветра в верхушках стволов. Постепенно к этим звукам начали примешиваться посторонние — страшные своим внутренним значением.

В лесном легком воздухе плыл тихий перестук частых отчетливых звуков. Почти неуловимые вначале, они становились ясней и громче, превращаясь в дружный топот дюжины конских ног. Несколько всадников неслись по той до-

роге, где только что отстучали копыта моею коня. За мной была организована погоня!

Я сильно хлестнул лошадь и стал пятками бить ее раздувающиеся бока. Она прибавила ходу. Но когда через несколько минут я снова прислушался к звукам позади, я понял, что меня быстро настигают.

Нельзя было терять ни секунды. Остановить лошадь, сорвать с ее спины мешок, гикнуть и сильно ударить ее поднятым с земли суком! Она помчалась дальше. А я подхватил золото и нырнул в зеленую стену кустов, вытянутых вдоль дороги.

Я лежал на животе, вдыхая жирный, смолистый запах земли. Рядом со мной — серый мешок. Я собирался с силами и смотрел на дорогу.

Вот по ней пронесся первый всадник — чернобородый детина с обрезом в руке, нещадно погоняющий выкормленную лошадь. Немного сзади — скакали остальные — молча, пригнувшись к животам неоседланных животных. Они пронеслись, как призраки, и исчезли за поворотом.

Я вскочил с земли. Подхватив мешок, я стал поспешно пробираться сквозь паутину, листья и сухие ветки

Самое кошмарное воспоминание моей жизни — следующие несколько часов. Быстрая ходьба, почти бег через колючие кусты и кочки, когда все тело разбито, а в немеющих руках виснет страшная тяжесть! Эта тяжесть толкала меня о стволы деревьев, пригибала к земле. Сначала я нес золото под мышкой, потом на спине, потом сделал из гимнастерки что-то вроде свободной петли, верхней частью охватывающей мою шею, а нижней — мешок. Я шел, оступался, шел снова. Я измок совершенно — по моему лицу, слепя и капая на грудь, лился горячий пот. В висках было хрустящее постукивание, сердце гремело, как винт на малом газе. Я шел и шел, почти не разбирая дороги.

Сначала, отойдя еще не слишком далеко, я услышал сзади треск и что-то похожее на людские шаги. Я припал к земле и притаил дыхание. Но треск прекратился. После этого ничто постороннее не нарушало моего мучительного путешествия.

Наконец, лес стал редеть. Толстые стволы сменил молодняк, между верхушками заголубело бледное небо. Я прошел немного еще и сквозь решетку стволов увидел покатым плетень и приземистые избы большой деревни.

Но тут вставал еще более сложный вопрос. В какое место я попал, каково настроение жителей этой деревни? Было бы слишком обидно, чтобы груз, пронесенный мной сквозь столько несчастий, в конечном счете оказался бы в руках врагов. Я решил временно, до выяснения положения, скрыть его в надежном месте. Для этого нужно было вернуться немного назад.

Я спустился в глухой и глубокий овраг с густой растительностью по краям. Внизу серебрился узкий ручей. На одном краю оврага росла искривленная береза. Ухватившись одной рукой за ее ствол, другой, вооруженной складным ножом, я стал рыть глубокую яму.

Теперь запомните вы, читающие зги строки! Золото зарыто на глубине полуаршина, под раздвоенной березой в овраге, в ста шагах от опушки леса, выходящей к деревне Огнево. На концах оврага стоят два пня, каждый из которых отмечен условным знаком.

Зарыв мешок, я засыпал его, разбросал лишнюю землю, сверчу прикрыл зарытое сучьями и мхом. Я знаю — самый проникательный не найдет этого места без особых указаний. Уже потом, лежа в моем убежище, точно узнав, где я нахожусь, я начертил прилагаемый план.

Когда работа окончилась, уже темнело. Идти в деревню я решил только в ночном мраке. Я до одурения напился воды и несколько часов неподвижно пролежал на дне оврага, наслаждаясь шитым покоем и безопасностью.

Вдали мычали короны, выла собака. Потом утихло все.

Когда стало совсем темно и только в двух шагах можно было рассмотреть окружающее, я стал тихонько красться к деревне.

Не буду вдаваться в подробные описания. Я тихо перелез плетень, бесшумно прошел широкой улицей до крайней избы и заглянул в окошко.

Внутри дрожащий желтый огонек коптилки освещал белую холщовую рубашу и взлохмаченную голову молодого парня; нахмуренно шевеля губами, он читал печатный листок. Услышав мой тихий стук, он поднял голову, быстро встал и двинулся к двери. Я отошел от окна.

Странно-молча, точно дожидаясь меня и осторожно, как вор, хозяин впустил меня внутрь. Я прошел темные сени, вошел в избу. Мерцающий стол и кусок скамьи тонули во тьме, напиральной со всех концов. Листка на столе уже не было. Я сел к огню.

В то же время вошедший вслед за мной хозяин вел себя очень странно. Мне показалось, что он даже как-то отшатнулся, когда я взглянул на него. Мне показалось, что его глаза неестественно округлились и лицо стало совсем белым. Он стоял, как вкопанный, не отводя от меня глаз.

Мне сделалось как-то неловко. Я заговорил:

— Вот что, хозяин, нет ли чего пошамать? Верь совести — с утра не ел ничего. Если дашь...

Парень вышел из странного оцепенения. Немного дрожащими — мне показалось — руками он вынул из шкапчика хлеб и отрезал толстый ломоть. Резал он левой: на правой руке не хватало трех пальцев. Никогда еще я не ел с таким удовольствием!

Между тем, в окно послышался новый стук. Хозяин вздрогнул и быстро вышел в сени. Начался заглушенный разговор.

Я вскочил и, не переставая жевать, положил руку на теплую сталь в кармане. Мне пришла дикая мысль: каким-то необыкновенным образом я узнан и парень посылает за подмогой — схватить меня.

Крестьянин вернулся. Увидев меня, стоящего у самой двери, он уже совершенно откровенно попятился назад. Я понял, что мои подозрения оправдались. Я взял его за плечо и медленно приблизил к его лицу дуло нагана...

Смотрю на часы и вижу, что пришло время кончать мои записки. Иначе может оказаться поздно. Посланный может вернуться каждую минуту, а я еще должен открыть мой

тайник и скрыть туда бумаги. Поэтому как можно короче доскажу остальное.

Я остановился на странном недоразумении, происшедшем между мной и Бубновым. В то время, как я думал, что он выдает меня белым, он сам принял меня за офицера, открывшего его планы.

Деревня, в которую я попал, находится в двадцати верстах от Медынска. Медынск занят большим белым отрядом, деревня — разъездом казачьего «батальона смерти». Удивляюсь, как, пробираясь через плетень, я не был замечен их часовыми.

В Медынке к этому времени уже созрело рабочее восстание. Под влиянием нескольких вожаков бедняцкое Огнево решило примкнуть к своим городским товарищам. Крестьяне уже вооружились, приготовились, нужно было только окончательно обсудить время и место восстания. Сопровождение назначили ночью в избе у Бубнова, красноармейца-инвалида, одного из организаторов дела. Потому-то мой хозяин и был так испуган, вместо одного из ожидаемых односельчан впустив военного-незнакомца. После он сообщил мне, что совершенно потерялся при нашей встрече. Листок, который он читал, был воззванием красных войск — каждого владельца такой бумажки казаки вешали на месте.

Этим я кончаю мои записки. Скоро мы узнаем, в каком положении дело медынских повстанцев. Здесь вопрос решен окончательно: крестьяне озлоблены, по первому знаку, двойному выстрелу из нашей избы, они бросятся на белых.

Сквозь щель выглядываю на улицу — совсем пусто, все повстанцы делают последние приготовления. Интересно, с какой осторожностью проводится заговор — офицеры живут вполне спокойно и даже не подозревают ничего. Как они будут удивлены...

Снова повторяю — я так ясно обозначил местонахождение золота, что каждый, имеющий в руках план, может найти его. Пишу к тому, что не знаю, сколько времени проживу еще. Схватка будет жаркая — в «дивизионе смерти» ребята отчаянные... Кроме меня, двое крестьян-коммунистов

посвящены в тайну местонахождения этих записок...

Исписал последний листок. Кончаю. Кладу карандаш в карман.

Да здравствует наш красный воздушный флот! Да здравствует советская власть и дело освобождения трудящихся всего мира!.

На этом кончились записки военного летчика. Иванов и Фенин сидели неподвижно. Мак отложил стопку в сторону и взял несколько новых листков.

— Я продолжаю читать, — медленно сказал он.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

в которой три документа заключали записки неизвестного

Его высокоблагородию, командующему шестнадцатым
казацким полком

подхорунжего 3 отряда
батальона смерти Тимофея
Ефрименки

РАПОРТ.

Настоящим доношу в подробности о деле в селе Огне-
ве. Как я есть единственный уцелевший и допрошенный в
вашем, ваше высокоблагородие, штабе, разъясняю:

Стояли мы — казачий разъезд славного нашего «Ди-
визиона смерти» — в селе Огнево уже недели с две. Кре-
стьянство нас совсем хорошо приняло — угостили по-бо-
жески и прочее такое, потому как мы защитники их и бор-
цы за отечество и веру. Народ с виду покладистый, смир-
ный был. А потому довольно даже удивительно, что дело
это так повернулось.

Так полагаю, что всему коноводом мужик Бубнов, бес-
палый инвалид, был. А изба того Бубнова крайняя к лесу и
человек он, по донесению ихнего попа, беспокойный и уве-
чие свое в Красной армии понес. Хотя, говорит, насильно
билизован был и красной жидовской вере не слуга. А как
его крестьяне любят и уважают, временно нами без обиды
оставлен был.

Только я, ваше высокоблагородие, подлого этого мужи-
ка держал на примете. Потому взгляд у него светлый и до-
вольно даже нахальный, и в грамоте он, говорили, разби-

рается хорошо, а по нашему времени большевистской крамолы грамоту знать простому нижнему чину не след.

Начал я это за вышедоказанным Бубновым присматривать. Мужик действительно смиренный, работу всякую хорошо правит. Только под конец странное я за ним примечать стал.

Нужно здесь сказать, ваше высокоблагородие, что Огнево село бедное, мужики только-только хлебов на прокорм имеют, скота тоже маловато. А была у того Бубнова коровенка и потому, как доблестным воинам и защитникам отечества — нам, примерно, — голодом сидеть не приходится, корова та ликвидирована и вышедоказанному Бубнову расписка дана. А сено для коровы мужик этот, как малосильный, на своем чердаке держал, под крышей. А ход к тому сену с фронтовой стены по лестнице.

Вот и вижу я, ваше высокоблагородие, стал Бубнов часто на свой сеновал лазить. А как коровы у него больше нет, в рассуждении причин очень мне это диким показалось. И решил я, ваше высокоблагородие, доподлинно узнать, что там у Бубнова на чердаке схоронено.

Только раз ушел куда-то хозяин, беспалый Бубнов, то есть, я тихой сапой к лестнице — и ползу вверх. И что же, ваше высокоблагородие, я там увидел.

Вижу — темный чердак, на полу сено навалено. А на сене, в углу, стоит на коленках человек в гимнастерке, спиной ко мне, и в руках махонький сверток держит. Человек из себя чернявый, скорей всего жид, а на рукаве у него красная повязка — такая, как летчики ихние носят.

Разрыл человек сено, начал сверток закапывать. И спокойный — совсем точно у себя в хате. Тут я даже ахнул и с лестницы на сено шагнул. Очень уж обидно мне такое нахальство показалось.

Ну, ясно, человек услышал да как вскочит. У самого морда темная, белыми пятнами, а глаза, как фонари горят. В ту пору, говорю, я уже на самый сеновал ступил. Бросился он ко мне, в руке левольвер. Была не была, думаю, умирать-то ведь один раз.

Прямо по сену, наподдал ему и оружие выбил. Удивляюсь, чего это он метился в меня, а стрелять не стал. А как только наган его упал, как пес в меня вцепился.

Очень он здоров был, хотя с виду щуплый. Сначала я на него в сене сел, давить его начал. Только было хотел ребят вскричать, а он сам вывернулся и хватить меня за дыхалку. А у меня, ваше высокоблагородие, то есть никакого оружия! Наган-то я случаем дома оставил.

Вот вихляюсь под ним, хриплю, прямо аж глаза заводить стал. Пальцы ровно железные были. Схватил я его одной рукой за грудки, а другой в сено упираюсь. Только вдруг что-то твердое нащупал — будто дерево с железом. Схватил — наган.

Извернулся я хорошенько да как бацну ему в самое хайло. Он оседать стал. А я снова палю. Так двойным зарядом и приклеил. Даже в самое лицо мне его мозги брызнули.

Ладно, ухлопал я моего краснопузика (так, извиняюсь, коммунистов наши ребята прозвали), полез я в угол, стал сено разрывать. Достал сверток, а на улице слышу, будто настоящий бой начался.

Подбежал к выходу, выглянул — взаправду бой. Мужики бегут кто с чем попало — кто с винтовкой, кто с левольвертом, кто просто с вилами. Из дома попа — там в ту пору вечеряли наши ребята — пальба идет. А дом-то уж горит с двух концов. На улице трое — хорунжий наш да двое казаков — запоротые лежат. А трое других — пешие, с шашками наголо, от целой громады мужиков отбиваются. И впереди всех Бубнов — кричит, левой рукой наганом размахивает, правой в воздухе трепыхает.

Вижу я, ваше благородие, что положение наше, извиняюсь, ни к черту. Мужиков-то, может, человек двести, а нас всего десятка три. Своя шкура к телу ближе.

Слез я тихонько с сеновала да к коням — стояли они у нас дворов через восемь. Сел на своего, а тут уж мужики с вилами насаждают! Однако прорвался — двоих полоснул шашкой — отстали.

Извернулся я хорошенько да как бацну ему в самое хайло.

Теперь, ваше высокоблагородие, в рассуждении правосудия, божеского и человеческого, должны мы с Огневым расправиться. Потому не имеют они полного права бунтовать.

Если будет такое распоряжение, с полсотней ребят я бы деревню эту покорил. Крестьян, полагаю, перепороть надо, а зачинщика того Бубнова нагого раздеть, бить шомполами до смерти и в срамном виде повесить среди села, чтобы знали.

В подтверждение рапорта, ваше высокоблагородие, прилагаю сей пакет, отнятый мной у убитого большевика на сеновале.

Подхорунжий Тимофей Ефременко.

За малограмотностью Ефременки рапорт с собственных слов вышеподписавшегося составил штабной писарь Никитин.

Милостивый государь, сэр Джон!

Зная Вас за человека своеобразного склада мыслей и любителя необычайных приключений, обращаюсь к Вам с одним предложением тоже своеобразного характера!

Если Вы прочтете прилагаемые записки (Вас, как умного человека, конечно, не обидит то, что на прилагаемой копии уничтожено указание театра развернувшихся событий и выпущено место сокрытия клада), Вы увидите, что в недрах большевистской России есть достойное дело для такого любителя острых переживаний, как Вы. Как джентльмен джентльмену, поясню в нескольких словах, почему не могу сам воспользоваться представившимся случаем.

Рапорт Ефрименко доводит Вас до того места, когда этот храбрый и простодушный слуга монархии бежал из бунтующей деревни, увозя с собой записки убитого им летчика-большевика. Вы догадываетесь, что этот Ефрименко сам был виновником восстания. Он вызвал его двойным выстрелом, заранее установленным в качестве сигнала для совместного восстания города и деревни!

Бунт в деревне был преждевременным, — в то время большевистская зараза не успела еще укрепиться в душах медыньских рабочих. К сожалению, неотложные дела помешали мне немедленно ознакомиться с записками летчика, в которых главная суть.

Вечером я утвердил план карательной экспедиции в Огнево, а ночью восстание в Слимонске было уже в самом разгаре. Мы были захвачены врасплох и поспешно отступили. Через несколько времени мне пришлось эмигрировать. *Sic transit gloria mundi!* уважаемый сэр!

Я уверен, что золото все еще лежит на прежнем месте! Дело в том, что сразу после этого эпизода фортуна повернулась спиной к правому делу. Красные сделали удачную диверсию, наши войска были отброшены. Медыньск и окружающая местность перешли — теперь уже ненадолго, надеюсь, в руки советской власти.

Сэр Джон, я предлагаю Вам выгодную сделку. Сейчас, мягко выражаясь, я не при деньгах. Я самолично организовал бы экспедицию в Россию, но мое славное прошлое нависло надо мной тяжелой тучей. Шпионы Чека схватят меня в первый же день. Предлагаю вам следующее:

Из найденных денег Вы дадите мне десятую часть — двести фунтов. Сто сейчас, сто при возвращении с кладом. Подумайте, сэр, о бедственном положении старого боевого волка, вынужденного жить часто без обеда и даже без квартиры!

В нетерпении ждет ответа Ваш покорный слуга Андриан Тихонов,

(бывший командующий пятнадцатым казачьим полком Добровольческой армии).

Р. S. Не поставите ли Вы на вид Ваших лакеям, чтобы они вели себя приличнее. «Бедность не порок», — говорит наша российская пословица. Если у человека платье немного потрепано и в пуху, это еще не значит, что нужно делать вид, что не слышишь его и запираешь дверь перед самым его носом.

Лондон.

А. Т.

Дорогой сэръ:

В ответ на Ваше любезное письмо могу сказать следующее:

Вы не ошиблись — я очень нуждаюсь в деньгах. Моя модель ракеты — той самой, о которой мы говорили при встрече в Лондонском ученом клубе, — подвигается очень медленно. Не может быть она докончена потому, что субсидии, выдаваемой соввластью, не хватает совершенно. Мое дело, несущее подарок всему человечеству, стоит почти на месте.

Вы пишете, что мое содействие в одном деле могло бы дать мне пять тысяч. Вы правы. Такая сумма вполне устраивает меня.

Хотелось бы знать, что нужно делать и не оторвет ли меня это предприятие от моей непосредственной работы. Если вы едете — известите телеграммой.

Относительно моих знакомств: я в хороших отношениях со здешним красным военным летчиком Ивановым. Относительно ваших исторических справок могу сказать, что они соответствуют истине. Приведенные вами подроб-

ности занятия города красными имели место во время гражданской войны.

К услугам П. Добротворский.

Наверху этого листка стояла надпись: в подлиннике поперек письма написано по-английски: «С профессором уладим. Тихонову пятьдесят. В Медынь выезжаю через три дня. Кэрч».

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Как трое пошли к профессору и что вспомнил Мак по дороге

Этим заканчивалось содержание белого пакета. Мак сложил последний листок и обвел глазами присутствующих.

— Но это ложь! — Иванов ударил кулаком по скатерти.

Последние минуты он особенно внимательно прислушивался к чтению.

— Ты думаешь? — Фенин, не изменяя позы, задумчиво смотрел перед собой. — А по моему, это очень похоже на правду. О гражданской-то войне верно — я сам был здесь, подкапывался под белых. Помню и казачьего атамана Тихонова — зверюга был, прямо бог и царь. Рабочих направо и налево вешал, сам приезжал на казни смотреть. А в Лондоне вот: «скажите вашим лакеям...» Наверное, там по ночлежкам ночует да вспоминает прежнее житье...

Иванов встал с дивана.

— Фенин, не запускай арапа! Ты знаешь, что я говорю не про это!

— О чем же ты? — рассеянно спросил Фенин, продолжая смотреть в одну точку.

— Я говорю о строке в письме Доброворского. Он пишет, что знаком и даже хорошо знаком со мной, хотя я никогда даже не говорил с ним. Я вообще не знаю, что здесь происходит. Третьего дня этот идиотский разговор о портрете, сегодня отрывок из письма, приключение с моей женой. Какая-то чертова путаница! Хорошо, я согласен, что рассказ о кладе любопытная и вполне допустимая вещь. Но при чем здесь Маруся? Может быть, теперь.. — он повернулся к Маку.

— Товарищ Иванов, может быть, лучше потом... личные дела...—Мак мучительно сморщился. — Смотрите, перед нами важный вопрос, нужно срочно выработать план действий...

— План действий? Выработать? — произнес сквозь зубы Иванов. Его обветренная рука вцепилась в острое плечо журналиста. — К черту план действий. Прежде всего, объяснитесь. Я чувствую, что вы замешаны во всем этом. Куда девалась Маруся? Ну!

— Пустите! — Мак попробовал стряхнуть руку летчика. — Ваша жена... Пустите, говорят вам... Почему вы хотите втянуть меня в ваши темные семейные отношения... После того, как вы только случайно не убили ее...

— Я? Ее?.. — пальцы Иванова разжались, и рука невольно потянулась к носу.

— Ну да. Что же — если уж вам так хочется — я скажу вам все. Знаете кто, кто был в саду Добротворского? Знаете, в кого вы стреляли вчера ночью? — Мак вскочил со стула, пронзительно смотря на изумленного летчика.

— Это была Маруся! Да! Два раза вы били по ней, как по зайцу! Вы чуть-чуть не ухлопали ее! И после этого вы еще удивляетесь, куда сбежала ваша жена.

Иванов с ругательством бросился вперед. Мак отскочил к стене. Фенин встал между ними.

— Маруся? Я? Откуда же я мог стрелять в нее? Вы спятели, голубчик, — Иванов помолчал, потупившись, и вдруг кротко поднял на Мака свои бесцветные глаза.

— Отойди, Фенин. Товарищ Мак, извиняюсь, я погорячился. Но, знаете, все, что вы сказали, такой, простите, вздор и даже похоже на клевету. Вы говорите, вчера ночью. Да ведь я никогда в жизни не был в саду Добротворского.

Мак мужественно решил довести разоблачения до конца.

— Но вас видела ваша собственная жена. Поверьте, товарищ, я очень хорошо отношусь к вам и не хочу ссориться. Но если вы этого требуете...

Коротко и точно, как в репортерской заметке, Мак изложил дневное посещение Маруси. Иванов слушал изумленно, подперев голову кулаком. Он сидел у стола, а Фенин водворился на его прежнее место.

— Странно, очень странно, — Иванов заскреб затылок, — вообще, товарищ, нужно сказать, — он слабо улыбнул-

ся, — что вместе с вами на Медыньск надвинулись всякие чудеса. Пожалуй, вы правы, — он помолчал, — сумасшествие моей жены — дело частного порядка. Прежде всего...

Иванов преобразился. Придвинув документы, он сразу стал человеком дела. Его глаза затвердели и обострились, черты лица стали четче. Он расправил на скатерти план сокрытия клада. Двое других смотрели через его плечо.

План оказался очень ясным и точным, составленным по всем правилам. Чертил его, несомненно, летчик, — дал заключение эксперта Иванов.

— Итак, товарищи, обсудим, — сказал Фенин. — Думаю, подлинность бумаг не подлежит сомнению — кому и зачем нужно было бы зря разводить такую канитель? Мы должны торопиться — золото не может уйти из рук рабочего государства. Этот Кэрч приехал вчера вечером — значит, сутки назад. — Фенин взглянул на черное оконное стекло.

— Как иностранец, он, конечно, зевать не будет. До Огнева двадцать верст. Хорошо еще, если он не отправился туда сегодня. Во всяком случае, мы выезжаем сегодня же — на хороших лошадях доедем в три часа. Вернемся как раз к началу торжеств. Вы сможете?

Мак кивнул головой.

— Ладно. А ты?

— Нет. — Иванов, очевидно, все еще не мог забыть свою неприятность. Его твердые пальцы нервно барабанили по краю стола. — Есть причины, ребята. У меня много работы в связи с предстоящими полетами. Да я и не нужен вам — справитесь вдвоем.

— Да ведь только на один день! — Мак вложил в свой голос всю наличную убедительность.

— И, кроме того, вдвоем нас мало. Их-то тоже двое, — поддержал Фенин. — Пойдет перепалка — что тогда? Ведь обещали мы не говорить милиции. Попроси — тебя заменят. Ну, идет?

Иванов снова сделал знак отрицания.

— Не уговаривай. Служба. И, кроме того, эти семейные неприятности. Конечно, вздор, но я определенно отказываюсь ехать.

Мак начал раздражаться. Или этот Иванов страшно хитрый мошенник, или у него какая-то другая тайна. Как же — ему указывают выход из опасного положения, хотят спасти, а он... он ведь, несомненно, замешан в деле. Мак решил пойти на последнее средство.

— Товарищ Иванов, вам нужно ехать. Это снимает с вас всякие подозрения. Неужели же вы не понимаете? Все-таки установлено, что вы бывали у профессора, знакомы с его дочерью... — он оборвал, видя, как лицо Иванова опять наливается кровью и он медленно встает из-за стола.

— Товарищ Мак! — Иванов приблизился вплотную. — Товарищ Мак, вы снова затронули этот вопрос и уже, кажется, не как мой лично! Теперь я уже не оставлю это. Я хочу верить, что сами вы просто находитесь в заблуждении, по молодости лет, что ли. Сейчас мы все втроем пойдем к Добротворскому и спросим — действительно ли он знает меня. Вы говорите, там был англичанин — привлечем свидетелем и англичанина.

Фенин радостно хлопнул его по плечу.

— Ладно, парень, это самое лучшее. И здесь же подложим им бомбочку — пускай едут с нами совместно откапывать советские деньги! А если нет — лопни мои глаза, если я сейчас же не отправлюсь в милицию.

Да, пожалуй, это было лучшим исходом. Пойти, откровенно выяснить, распутать создавшееся положение... Мак взглянул на строгое лицо Иванова. — Разве и вправду он не причем тут? Но к чему тогда эта окружающая его тайна?

Они вышли в уличный мрак. Быстро шагали к дому профессора. Иванов шел впереди — Фенин и Мак едва поспевали следом.

— Скажите-ка, товарищ, — повернул Фенин к Маку свое широкое лицо, — вы говорили про этого Кэрча. Вспомнил я, какие-то иностранцы были у нас в городе проездом месяца полтора тому назад. Как он выглядит, этот Керч?

Перед Маком точно на киноэкране встало мертвенное лицо в желтоватых очках, с острой седой бородой и откинутыми назад белыми волосами. Снова лицо напоминало кого-то знакомого. И еще одно смутное воспоминание тем-

ным пятном всплыло в глубине памяти — воспоминание, связанное с именем Кэрча.

— Так-так, — усмехнулся Фенин. — Нет, этот не похож, те совсем другие были. А ваш, как вы описываете, вроде будто упокойник с виду... нет, не то, видно...

Дальше шли молча. Имя Кэрча не выходило из головы Мака. К этому присоединилось странное впечатление от замечания Фенина. Воспоминание окружалось некоторыми подробностями, наводящими на след. Вспоминалось:

Большая, уставленная столами комната-редакция. Да, здесь что-то связано с ней. Вечер. Он диктует машинистке... Нет, не то... Приходит посетитель... Не то снова... Сдавался последний материал... Сотрудник Павлов... Да, именно Павлов... принес...

Из ночи выступил невысокий забор и калиточное углубление профессорского дома.

Иванов нащупал проволоку и резко дернул звонок. Хрипло залилась собака — шагов не было. Звонок забился снова. С той стороны послышалась легкая поступь.

Женский голос спросил, что надо. Калитка распахнулась. На пороге, удивленно всматриваясь, стояла смутная тонкая фигура. Это была дочь профессора.

— Нина Павловна, — Мак шагнул вперед. — Нина Павловна, нам нужно повидать вашего отца. Сейчас же, если можно.

— Профессора нет дома! — Нина Павловна говорила враждебным, немного испуганным голосом.

— Нет? — Мак отступил. — Не может быть! А мистер Керч? — вдруг быстро спросил он.

— Мистера Кэрча нет тоже. Они уехали в какую-то научную экскурсию. С час тому назад. Сказали, что вернутся завтра к вечеру. Простите, — калитка захлопнулась перед неподвижным Фениным, замершим Маком и подавшимся вперед Ивановым. Внутри щелкнул замок. Мак возбужденно повернулся к товарищам.

— Они поехали за кладом! Это ясно! Кэрч и профессор, и вернутся только завтра! Ясно. Мы должны спешить. Ну, что же, вы едете, Иванов? Мы захватим их на месте. Едем!

Иванов не отвечал. Он повернулся и быстро пошел в сторону. Фенин бросился за ним.

— Иванов, стой, куда? Ты не поедешь? Постой!

Иванов резко повернулся, почти столкнувшись с бегущим по пятам.

— Я не поеду, я уже сказал, и теперь могу повторить это снова. Есть причины. Мне очень не нравится вся эта история! Смотри-ка, братишка. — Он протянул технику развернутый листок.

Фенин чиркнул спичкой; желтоватый огонек осветил два коричневых лица и белую, написанную на машинке бумажку. Фенин прочел и молча вернул листок. Иванов зашагал в ночь. Фенин вернулся к Маку.

— Значит, едем сейчас же? У вас есть какое-нибудь оружие? Дам вам мой браунинг. Есть лишний. А насчет этой бумажки...

Мак стоял — странно неподвижный. Если бы Фенин мог видеть в густом полумраке, он увидел бы на лице Мака тупую радость светлеющего воспоминания. Слабо вскрикнув, Мак ударил себя рукой по ляжке.

— Слушайте, Фенин, и удивляйтесь! Этот Кэрч — я вспомнил! Но это поразительная и страшная штука!

В редакции я правлю хроникерский материал. С месяц тому назад мне принесли одну заметку. Понимаете, этот Джон Кэрч, англичанин, сейчас уехавший с профессором в поисках клада, месяц тому назад умер в Москве от разрыва сердца!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,

в которой заканчивается история с кладом

И вот по ночной проселочной дороге подпрыгивает грузная телега, запряженная двумя лошадьми.

Из деревянного кузова торчит во все стороны свежая солома. На соломе, прикрытой рогожей, полулежат Мак и Фенин. Впереди вырисовывается сгорбленный возница. Он дергает вожжами, прикрикивает на вяло топающих коней. Два десятка звезд, свисающих с далекого неба, дают нам возможность рассмотреть эти подробности.

Долог двадцативерстный ночной путь в телеге! Но еще дольше он, когда мозг седоков полон томящих надежд и опасений. Пусть мерный переступ копыт нагоняет дремоту — одна сверлящая яркая мысль блещет в сознании и оттесняет все другое.

Эта мысль — как кончится дело с деньгами, удастся ли задержать, перехватить, отбросить похитителей золотого груза.. И еще несколько побочных тревог бьются в мозгу того и другого.

У Мака: редакция, сенсационные сообщения, дочь Добротворского. Какой эффект произведет острое, полубеллетристическое изложение всей истории... Хотя тайна... Но все равно — можно будет скрыть имена. А дочь Добротворского? Чем кончится знакомство с ней?

У Фенина — Иванов, его странное поведение, его последние слова, неожиданные мысли о трясущемся рядом человеке. Как и с какой стороны замешан в это дело Мак?

Если сопоставить последнее сообщение Иванова, вся канитель начинает принимать чуть ли не политический оттенок! А ведь верно заметил Иванов, — только Мак приехал из Москвы, началась эта неразбериха! С виду-то, пожалуй, парень хороший, молод, конечно, очень, интеллигентности тоже много. Да еще путает больно... Так текли мысли Фенина.

Оставим телегу с предельной скоростью катиться к селу Огнево. Временно обратим взор в другую сторону.

Перед нами Медыньск — украшенный поникшими флагами, готовый к завтрашнему торжеству, одетый мраком город. Город спит. Только в некоторых его местах кипит напряженная, скрытая жизнь.

Вот дом профессора Добротворского — маленький, затерянный в деревьях, окруженный низкой оградой. К калитке снаружи подходит, осторожно и нерешительно, человек.

По его сутуловатой осанке, по черному костюму, слабо поблескивающему в звездном свете, по слабо видимым чертам лица, наконец, мы узнаем в нем военлета Иванова.

Иванов нажимает запертую калитку, долго и выжидательно. Прислушивается. Нерешительно отступает назад. Потом резкий жест — жест блеснувшего воспоминания. Он быстро идет вдоль ограды, скрывается за углом. Надо полагать — он пошел к заднему фасаду дома...

В эту ночь особенно тщательно охраняется аэродром! Везде синяя сталь штыков, серая сталь глаз, краснорозеточные фуражки часовых! Часовые охраняют ворота огромного огороженного пространства, охраняют двери ангаров, мастерские спящих заводов. Завтра смотр воздушных сил — сегодня есть тревожные вести. Зорко и тщательно охраняется воздушный флот СССР!

И снова дом профессора. Мрак закрытого помещения. Во мраке два голоса. Идет заглушенный разговор.

— Через час решится начало! — Это первый голос: — Вы летите один, я буду ждать на площадке, которую осматривали. Разведу маленький костер. Бумаги?

— Бумаги в порядке, — это второй голос, — главное — с этой стороны никаких подозрений. Мы ударим, как безоблачный гром! Двухчасовой перелет до границы...

Первый голос: — Часть плана не удалась! Двое с динамитом захвачены в Москве. Власти насторожились. Осторожность!

Второй голос: — Интрига проведена слишком тонко.. Только один смущает меня. Хороша ли приманка? Пойдет ли....

— Он должен был пойти. Стоп! Вы слышите там, за окном? Вы видите?

— Я вижу! Дайте револьвер! Тихо идите кругом!..

...На широком, хрустящем ложе быстро катящейся телеги Фенин говорил Маку:

— Подъезжаем, товарищ. Нужно померекать, как начать дело! Если идти прямо в лес...

— Я думаю, одни мы просто заблудимся и не найдем ничего. Нужен местный житель — опытный провожатый. Зачем скрывать? В конце концов, на нашей стороне закон! Нагрянем, срочно!

— Думаете так? Ну, ладно — поглядим. До рассвета все равно ничего и они не сделают. Еще, может, говорю, стрельба пойдет. Вы как, вообще, стреляли когда?

Мак нервно засмеялся.

— Во время гражданской войны был добровольцем в роте пулеметчиков. Если бы пулемет сюда... Однако, пожалуй, и из револьвера смогу!

Он нащупал плоский, небольшой предмет.

Несколько секунд помолчали.

— Послушайте, Фенин, как вы думаете, почему не поехал Иванов? Все-таки это подозрительно. Посмотрите — письмо Добротворского прямо указывает на его сообщничество! А что он сказал вам перед отъездом?

— Иванов честный парень, — задумчиво сказал Фенин, — знаю я, видел его в работе. Я не могу подозревать ничего плохого. Трудно смекнуть, конечно, — эта история с портретом, выстрел в жену. Письмо... Все это здорово портит ему. — Фенин несколько секунд всматривался в смутно белеющее лицо рядом: — А бумажка, которую он мне показал...

Фенин понизил голос и ближе придвинулся к Маку.

— Это приказ, полученный сегодня из центра. Одна из европейских организаций фашистов задалась целью сорвать наш авиапраздник — пока еще неизвестно как. Кажется,

предполагалось покушение на заводы — захвачена группа динамитчиков. Понимаете — такой срыв взлета новой лучшей эскадрильи может иметь большие последствия! Мы сделали, конечно, что могли — установили усиленную охрану, летчикам и военным служащим приказано не отлучаться из города. Потому то Иванов...

Из звездной тьмы выступили очертания припавших к земле изб и низкий, неровный плетень перед ними. Телега остановилась перед бревенчатой длинной околлицей.

Возница оттянул калитку в сторону. Лошадь прошла внутрь.

— Куда теперь? — сел на соломе Фенин. — Полагаю все-таки, недолго думая, перво-наперво запастись фонарями да нагрянуть на то место! Кого бы в провожатые взять? Как это того из записок звали?.. Слушай-ка, парень, есть у вас такой Бубнов? Есть? Председателем сельсовета, говоришь? Вот к нему и гони! Поживей ты только, парень!

Быстро прогремели через село; слепые, маленькие хаты выступали и терялись по обеим сторонам дороги. Остановились у крайней избы. Дальше плотной стеной вставал ночной, таинственный лес. Мак всматривался невольно, нет ли огней — следа искателей клада. Нет — была только черная, обвевающая холодом тьма.

На стук вышел высокий мужик с русыми растрепанными волосами, с широкой, вьющейся бородкой. В левой руке он держал фонарь. На правой, засунутой за тесемчатый пояс, не было четырех пальцев.

Это был инвалид Бубнов, действующее лицо записок Штреба, организатор восстания в селе Огневе.

— Ты Бубнов? — Инвалид кивнул головой. — Председателем сельсовета будешь? Ладно. Из города мы, товарищ, нужно вот одно дело прояснить. Ты то, я знаю, мужик надежный! — Фенин дружески хлопнул Бубнова по плечу.

Все трое прошли сени и очутились в темной избе. Бубнов поставил на лавку фонарь, стал зажигать керосиновую лампу.

Стены древней, закопченной избы были увешаны плакатами и портретами вождей с исколотыми, бахромящи-

мися краями. На самодельной полке в углу высилась груда книг. С широкой лежанки торчала спящая нога. Бубнов сбросил с лежанки разное барахло, предлагая гостям присесть.

— Товарищ Фенин, мы задерживаемся, нужно торопиться! — напомнил Мак.

— Сейчас, в один секунд! — Фенин обернулся к Бубнову. — Нужно вот сначала товарища в курс дела ввести. Ты как, Штреба — красного летчика — помнишь?

— Штреба? Штре-е-ба? — задумался Бубнов. — Нет, не такого чтой-то! А это по какой, собственно, так сказать, линии, товарищи? — заспанное лицо Бубнова раздвинулось добродушной усмешкой.

— По какой линии? Ты что, не знаешь, значит? — Фенин растерянно покосился на Мака. Мак вступил в разговор.

— Товарищ, здесь идет дело о времени борьбы с белогвардейцами. Вы помните — лет семь тому назад Медынский был занят белыми. Там стоял отряд полковника Тихонова, у вас в деревне — казачий разъезд. Помните? Вы тогда подготавливали восстание, Штреб пришел в это время. Вы спрятали его в избе...

Напряженное лицо Бубнова просветлело. Он приподнялся, радостно сверкнув голубыми глазами, опечаленный, снова сел на лавку.

— Ага, помню, этот летун от большевиков, — вот ты о ком! — быстро заговорил он. — Оно точно, было такое дело! Еще на сеновал я его спрятал, хлебушко ему носил. Только помер он потом... застрелили, окаянные.

Он задумчиво провел рукой по волосам:

— Как порубили мы этих казаков, прихожу к себе, полез на чердак, вижу, лежит, руки раскидавши и все лицо в крови. Еще в углу, помню, сено разрыто было... И как это я сразу запамятовал... такой душевный был, все про интернационал да про нашу власть советов говорил. Имени его — Штреб, что ли — не знал я только. Да и как забыть? — удивленно покрутил он головой: — с месяц тому назад тоже трое приезжали, про него расспрашивали.

— Приезжали? — Фенин так и впился в лицо Бубнова. — Кто? Когда приезжали? Что за люди?

— С месяц тому, говорю, было! — несколько удивленно повторил Бубнов. — Приехали каких-то трое, двое будто не из наших, все по-иностранному лопотали. Тоже прямо ко мне, деликатно так выспрашивали, вроде вот как они! — Бубнов указал на Мака. — Потом ушли, все в лесу ходили, кончили — сели в телегу, снова уехали. Целый мешок чего-то в лесу набрали, слышно. Сам то я не видел — соседи баяли: один щуплый такой, ростом поменьше, объяснял, что для науки это. Ну что ж, мы не против. Да что ты, парень, чудной какой?.. — удивленно посмотрел Бубнов.

На Фенина как будто напал столбняк. Несколько секунд, хмурый, он неподвижно просидел на лавке, потом с необычайной живостью обернулся к Маку.

— Мешок... из леса? — слабым голосом, заикаясь, сказал Фенин. — Мать им в душу, они уже давно украли его! — вдруг дико заревел он, вскакивая: — Вся эта история с кладом ложь и провокация! Дочь Добротворского надула нас — ее отец и не думал ехать за деньгами! Иванов был прав — я сам давно чуял это! Ну, что вы можете сказать теперь? — остановился он против Мака.

Но искреннее изумление и горе, выразившееся на его лице, могли рассеять самые мрачные подозрения.

— Что сказать? — Мак опустил на скамью. — Но, товарищ, мы же еще не знаем, правда ли это! — нерешительно поднял он глаза. — Ведь то, что сказал этот товарищ — еще не полное доказательство... Могло быть совпадение... Подумайте — если профессор украл деньги еще месяц назад — зачем его дочери было отдавать нам бумаги — зря выдавать отца? Нет, мы все таки должны осмотреть лес! Возьмите — в том, что предполагаете вы, нет никакого логического смысла! — уже совсем оживился Мак.

Снаружи слышались странные звуки: быстро растущие гудки, хрип и пыхтение, точка в точку напоминающие ход обыкновенного авто. Но авто в деревне, в такое время... Может быть, запоздавший англичанин... Все трое бросились к маленькому окну.

Перед избой в светлеющем мраке широкой улицы сдавленно блистали два белых снопа четырехместного автомо-

била. С заднего сиденья быстро соскочила и бросилась к дверям смутно видимая фигура.

Мак, Фенин, а следом и Бубнов выбежали наружу и почти наткнулись на растрепанную, раскрасневшуюся Марусю, вбегающую по ступенькам.

— Маруся? Каким образом? — Мак машинально протянул руку. Маруся жадно ухватила за нее, свободной рукой притягивая к себе маленького Фенина.

— Товарищи, скорее, — она дышала быстро и тяжело, — скорей! Бегала по всему городу, выпросила эту машину... Случились страшные вещи... Андрей... мой муж... вместе с той... я следила... вышли из дома профессора. Она говорила, что вас обвели вокруг пальца... что вас нарочно выманили из города.... что третий — профессор, конечно — убит с дороги, заперт в доме и не освободится... Они готовят преступление — из-за мужа побоялась идти в милицию... Только вы можете... Скорей....

Все трое бросились к автомобилю.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,

в которой разъясняется главная тайна

Последним вскочил Мак. Шофер повернул руль. Тоскующим ревом будя население изб, оставляя позади недоумевающего Бубнова, два световых снопа рванулись через деревню.

Автомобильная гонка — какими словами описать ее? Какие слова — грубые, короткие и сжатые — нужны для передачи качки несущегося вихрем аппарата с лакированной, опущенной к земле мордой, оглашающей ревом пыльную дорогу?

Как описать смену обстановки — изумленно проносящиеся назад дома, вытянувшиеся в струнку столбы телеграфа, замерших по краям дороги прохожих? А если дело происходит ночью, на темной грани рассвета, когда зеленый воздух густ и вязок, если авто дан полный ход и три сердца в нем бьются в такт стальному сердцу мотора — каждый честный человек себя бессильным в таком случае!

Дорога свернулась, как твердый лист долго пролежавшей в виде свитка бумаги. Автомобиль влетел в Медынский.

— К дому Добротворского, — рявкнул Фенин в ухо молчаливому шоферу. — Там разберем, — отнесся он назад, — огибай к задней стене, к задней, знаешь, проулок за домом! Вот сюда! Стой!

Если бы жители Медынского проснулись в этот день на несколько часов раньше обычного времени, они увидели бы странную картину в узком переулке за улицей Марата. «Картина, — мелькнуло у Мака, — слегка напоминает киносъемку, момент — ограбление банка в Калифорнии».

Трое соскочили с автомобиля и бегом бросились вдоль задней стены сада Добротворского.

В своей дальней части стена поросла лопухом и высокими, густыми кустами. В тени одного из них открывалась узкая щель, образованная двумя раздвинутыми досками

ограды. С той стороны щель закрывали разросшиеся ветви кустов заброшенного сада.

Сначала Маруся, следом Фенин и Мак протиснулись внутрь. По рукам ударило зеленое пламя крапивы. Они выбежали на дорожку.

Перед ними был спящий дом, с темными слепыми окнами, с покосившейся террасой. «На этой террасе, — вспомнил Мак, — дочь профессора приняла его впервые».

Он сунул пальцы в карман, стиснул ручку револьвера. В то же время Фенин вытащил свой, и большими прыжками двинулись к террасе.

Первая — отворенная — дверь подалась без видимого усилия. Трое вбежали и остановились в первой комнате дома.

Она была пуста и скромна, имела вид обычного буржуазного жилища. Старательно покрытый, уставленный тарелками стол, дешевый буфет в углу, три стула — все это несколько охладило горячность ворвавшихся.

Фенин обвел комнату глазами и невольно опустил оружие в карман. Мак имел вообще разочарованный вид.

Шли открывать преступление — такое необычайное и фантастическое, — ожидали беспорядка, пятен крови, сдвинутой мебели, по крайней мере, а врываются в обыкновенный, скромный дом. Из-за чего? Из-за того, что взбалмошная девочка увидела что-то подозрительное. А что, если все кончится тем, что сейчас откроется дверь, выйдет Нина Павловна или сам Добротворский и вежливо спросят, что, собственно, нужно неожиданным посетителям.

Но по мере того, как шел осмотр комнат, эти мысли заменялись другими.

Дом действительно был покинут — были пусты и кабинет профессора с узким диваном в углу, и несмятая постель в комнате его дочери, и первая, еще раз осмотренная комната.

Выглянули на двор — там рычала и билась на цепи голодная собака. Даже прислуга — толстая баба, отворившая Маку в первый раз, ничем не выказывала своего присутствия. Дом имел совсем нежилой вид — такой же холодный

и нежилой, как редакция вечером, после ухода последнего сотрудника.

Но Маруся не отчаивалась.

Раскрасневшаяся, с развевающимися волосами, она стала настоящим главарем поисков. Старательней ищейки МУУР'а, слегка подавшись вперед, упругими шагами она переходила с места на место, отыскивая пропавшего хозяина. Остальные разочарованно стояли у выходящего во двор окна...

Что делать? Профессор исчез, исчезла его дочь, исчез англичанин, исчез заодно и военлет Иванов, втянутый в какое-то грязное дело. Маруся говорила о преступлении — следует без колебаний прежде всего сообщить в милицию... Громкий Марусин зов из сеней разбил общие колебания.

Маруся стояла в глубине коридора, тщетно пытаясь открыть тяжелую дверь маленького чуланчика. Амбарный замок угрюмо свисал с толстого затвора.

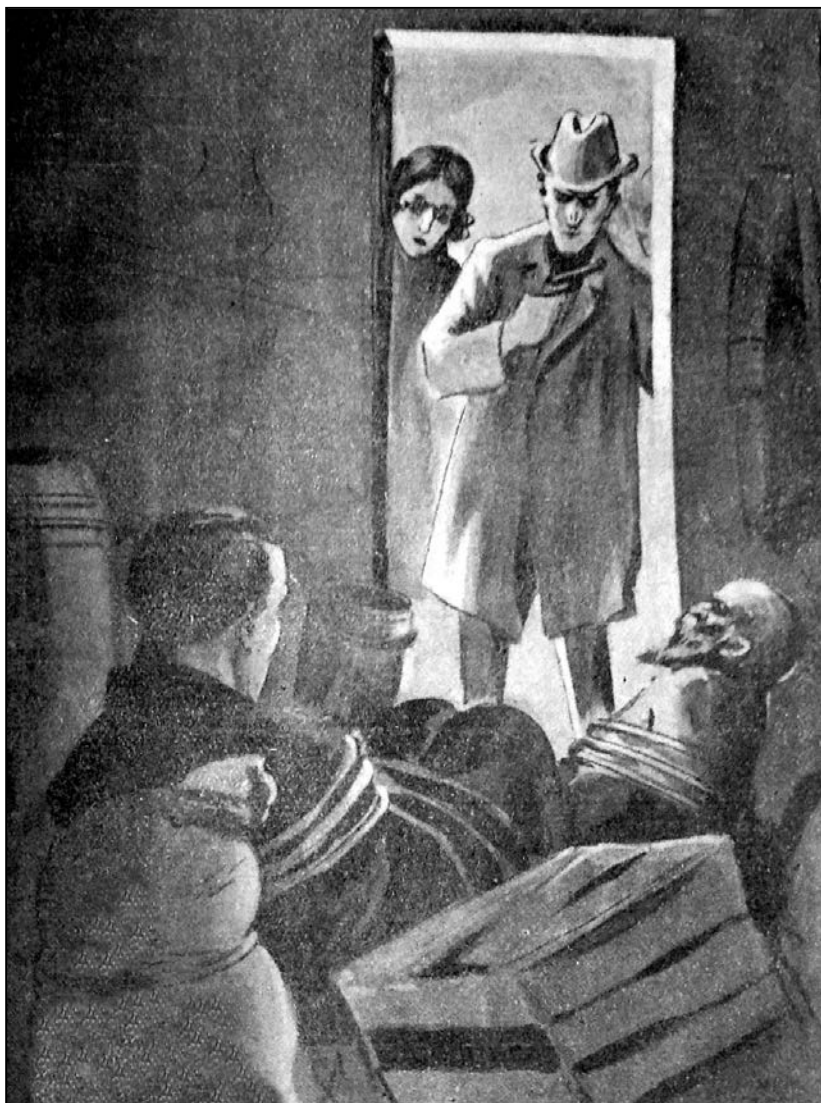
— Он там! — Маруся снова рванула дверь. — Послушайте: изнутри, оттуда — какие-то чудные звуки! Слушайте — вот! —

Все замерли. Действительно, звуки были необыкновенны — кто то за дверью неравномерно ударял по полу чем-то твердым. Как будто ребенок, играющий, сидя на полу, и бьющий кубиками в лоск паркета! Мак представил сумасшедший образ — розовый бородатый профессор, присевший на корточки и с детским хихиканьем выполняющий эту функцию восьмилетнего человечка.

Но действительность превзошла все ожидания.

Выстрел в замок и несколько ударов ручкой нагана сбросили затвор на пол. Чуланная дверь открылась. Внушительное зрелище представилось освоившимся с тьмой глазам.

Здесь, между полками, уставленными пустыми жестянками и горшками, в вихрях пыли и паутины, поднятых свежим воздухом снаружи, лежали двое скрученных людей с обвязанными тряпками лицами. Один из них был, несомненно, профессор — вытянутая фигурка в поношенной паре, торчащая розовая макушка с клоком рыжих волос выда-

Здесь, между полками, уставленными пустыми жестянками и горшками, в вихрях пыли и паутины, поднятых свежим воздухом снаружи, лежали двое скрученных людей.

вали его с головой. Другой — длинный, в одном нижнем белье — и производил, вероятно, звуки, слышанные снаружи, ударяя в пол пятками согнутых ног. Но кто был этот незнакомец?

Дружными усилиями Мак и Фенин вытащили его наружу, и Маруся слабо вскрикнула, когда с лица незнакомца сорвали обмотки. Перед ними был...

Перед ними был сам Иванов, с потным, багровым лицом, с глазами, блещущими от напряжения, с неподвижным, туго стянутым телом! Из полуткрытого рта высывался конец тряпичного кляпа.

Перочинный нож перерезал веревки и заботливые пальцы Маруси вытащили кляп. В то же время Мак и Фенин успели оказать аналогичную услугу полузадохшемуся профессору,

— Ну? Что случилось с ними? — еле слышно прохрипел Иванов.

Выпив залпом стакан поды, он, шатаясь, поднялся на ноги и, опершись на подоконник, повторил тот же тревожный вопрос.

— То есть с кем... с ними? — осторожно осведомился Фенин, глядя на вздувшиеся жилы лба Иванова.

— С ними... с теми, кто сделал нам это! Ну, с Джоном Корчем — моим двойником — и дочерью профессора! Фенин, неужели же ты ничего не знаешь? Неужели все это время вы убили на деревню? В то время, как под нашим носом проводится какое-то огромное преступление! — Иванов схватился руками за голову.

— Иванов, успокойся, ты путаешь, расскажи, в чем дело? —

— Дело в том, что все мы обмануты, как идиоты! Этот клад, конечно, вы не нашли его... его выдумали враги советской власти, чтобы отвести нам глаза! В то время, как мы занимались чтением детских сказок, готовилось... Понимаете — этот Джон Кэрч — мой полный двойник! —

— Двойник? —

— Ну да! — Иванов немного передохнул. — После вашего отъезда мне показалось подозрительной канитель с кла-

дом! Я не мог спать и решил все-таки пробраться в дом профессора. Обошел к задней стене сада — вспомнил рассказ Мака. Перелез, подошел к окну — темно, а как будто разговаривают! Стал слушать... минуты две... вдруг хватают сзади, удар по затылку... я лишился чувств!

— Когда я очнулся, — продолжал Иванов, оторвавшись от второго стакана, — я лежал раздетый и связанный — вот, как сейчас. Эта авантюристка, шпионка — я не знаю, кто она такая — занималась тем, что кончала обматывать тряпками лицо своего папаша! А Джон Кэрч стоял у зеркала, в левой руке держал парик, а правой преспокойно отклеивал свою острую бородавку! Когда он кончил, на меня взглянул мой живой портрет! Он сел и, насвистывая, стал натягивать мой кожаный костюм...

— Но слушайте, Иванов, это какой-то бред! И вы можете сообщать это так равнодушно! — Только сейчас Мак заметил, как дрожат его собственные пальмы.

— Товарищ, — Иванов повернул к нему каменное лицо, — я говорю спокойно, чтобы сократить время рассказа! Маруся, поди в комнаты, там лежит платье англичанина!.. Так вот, он кончил переодеваться как раз тогда, когда дочь профессора Добротворского начала заматывать мое лицо.

Они подняли профессора и меня и стащили в этот чулан. С тех пор я не знаю ничего, что могло случиться. Знаю одно — там готовится, если уже не готово страшное политическое преступление. Вот!

Иванов стал лихорадочно зашнуровывать башмак. Сзади раздался слабый писк.

Все обернулись.

Профессор сидел на полу, стуча зубами, пил воду из стакана, поднесенного рукой Маруси. По волосатым щекам катились крупные слезы. Несколько раз он пытался говорить, но сдавленное горло не могло произнести ничего членораздельного.

— Успокойтесь, профессор, — Фенин попробовал поднять его с пола. — Не будьте же ребенком! Скажите — в чем здесь дело? Ваша дочь — кто она такая? На кой черт ей понадобилось так подло обойтись с вами?

Когда он кончил, на меня взглянул мой живой портрет.

Профессор поднял мутные от слез глазки. Его лицо было перекошено страхом и отвращением. Он мотнул головой и опять потянулся к стакану.

— Ну, профессор же! — вмешался Мак, — хоть немного возьмите себя в руки! Ведь только в ваших силах пресечь преступление! Скажите — ну? Ваша дочь?..

Профессор вдруг заговорил чужим срывающимся голосом.

— Она не моя дочь! — Мак отскочил с вытаращенными глазами. — Она авантюристка — член тайного общества фашистов! Они — этот фашист и она — заставили меня угрозами скрыть все — я не мог иначе! А теперь, теперь... расстрел... — профессор затряс головой.

— Но зачем вся эта комедия? Говорите! — Иванов бросился к Добротворскому.

— За тем... ваш двойник... эта авантюристка... они готовляли... Нет, я не знаю, не знаю, что со мной будет! — профессор сумасшедшим жестом схватился за голову. Иванов, не переставая, тряс его за плечо.

Наконец Добротворский решился. Он робко поднял глаза на окружающих.

— Торопитесь — может быть, еще можно остановить! О, Господи! Дьявол! Эта авантюристка... эта авантюристка и мнимый Кэрч решили украсть самолет, перехватить в воздухе Юнкерс и расстрелять из пулеметов летящих на праздник членов правительства и Коминтерна!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

О том, как началась воздушная охота

В эту ночь события на медынском аэродроме развернулись в таком порядке:

Около двух часов в маленькую комнатку дежурного вошел высокий человек в черном кожаном костюме летчика. Дежурный дремал, полулежа на койке. Человек энергично растолкал его.

— Ты что ль, Иванов? Тебе чего? — полуоткрыл глаза дежурный.

— Товарищ Мешков, вставай! Есть записка от начальника! Срочное задание! Смотри! — человек вынул из кармана предписание.

После дежурный рассказывал, что с первой же минуты пришедший показался ему не прежним, обычным Ивановым. Он двигался слишком быстро, говорил хриплым голосом, даже, как будто, с нерусским акцентом. В самом выражении его лица было что-то замкнутое и настороженное, непохожее на обычное выражение Иванова. Конечно, все это можно было сообразить только потом, когда выяснилась самая суть дела. А здесь:

Подумайте сами — к вам приходит один из старейших работников аэродрома, протягивает предписание, по-приятельски хлопает по плечу! Не будете же вы предполагать, что сам черт подшутил над вами, приняв чужой облик! Тем более, что выдержанное марксистское мировоззрение категорически отрицает возможность такого случая!

Еще, говорил дежурный, — его немного удивила необыкновенная холодность Иванова. Иванов всегда называл его по имени, а не официальным «товарищ». Но опять таки, не брать же на шиворот и не отправлять в ГПУ для расследования старого приятеля потому, что он говорит с вами не так тепло, как всегда! К тому же дежурный не спал всю прошлую ночь... Не говоря ни слова, он развернул предписание.

В нем неразборчивым почерком начальника аэродрома стоял приказ срочно выдать военлету Иванову машину из новой эскадрильи для немедленного ночного полета. Дежурный сообразил — тоже впоследствии, к сожалению, — что только на самолетах этой системы было установлено полное пулеметное оборудование.

Что делать? Толстый Мешков, кряхтя, натянул сапоги, разбудил мотористов, вместе с Ивановым двинулся к темной площади аэродрома, мимо красноармейской охраны.

Подошли к ангару.

Тяжелые раздвижные ворота заскользили в стороны. Раскрылись недра ангара со стоящими в ряд летными машинами. В желтом, густом фонарном свете вывели одну машину, начали спешно готовить полет. Иванов деловито и странно-молча прохаживался рядом.

Снова пустячная мелочь привлекла внимание дежурного.

Главное внимание при осмотре машины Иванов устремил на пулеметы! В луче качнувшегося фонаря его костистое лицо показалось совсем чужим, с хищным оскалом слишком большого рта. Но родившееся подозрение разом пропало, когда, уверенно прыгнув в кабину, Иванов застегнул ремни и стал пускать мотор.

Он летел без наблюдателя, так было обозначено в предписании! Через две минуты крылатая машина, рвущая рокотом ночную тишь, двинулась вперед и утонула в густой тьме ночного неба. Постепенно в высоте замолк грохот мотора.

Но этим только начались ночные переживания дежурного.

Через полчаса дверь его комнаты распахнулась снова и в нее вошел, вернее, влетел тот же Иванов, тяжело дышащий и бледный, в сопровождении молодого человека в сером пальто.

Дежурный вскочил на ноги.

— Каким образом? Ты уже вернулся, Иванов? —

Ответ Иванова дышал явным безумием:

— Значит, ты дал ему самолет? Как давно это случи-

лось? —

— Кому это ему? — что то дрогнуло в сердце дежурного, но он подмигнул насмешливо и дружелюбно: — Ему — то есть тебе, братишка! Но ты хотел отчалить часа на два, самое меньшее... —

— Да слушай же, бревно, это был совсем не я! Это двойник, фашист, укравший мою наружность! Ты принял его за меня. Он украл самолет, чтобы совершить государственное преступление!

В ответ на это дежурный сделал то, что, пожалуй, каждый сделал бы на его месте. Он вытащил наган и, приказав Иванову поднять руки вверх, позвал на помощь. А через несколько секунд сбежавшиеся красноармейцы уже слушали необычайный рассказ о готовящейся воздушной драме.

Еще через минуту дежурный дрожащими пальцами перелистывал удостоверение личности Иванова и выслушивал показания Мака, в то время как в густой рассветной пелене мотористы выводили на старт новый боевой самолет. Иванов летел в погоню за своим двойником.

— Но мне нужен наблюдатель! Для работы вторым пулеметом! — выйдя к самолету и натягивая шинель, Иванов обвел глазами присутствующих.

Дежурный с искренним сожалением покачал головой.

— Я не могу, Иванов, понимаешь сам — не имею права. Еще случится что новое! Ребята разосланы за летчиками, через двадцать минут....

— Брось брехать, нельзя терять ни минуты! Ребята, может, кто из вас? — Иванов снова обвел кругом отчаянным взором.

Мотористы и красноармейцы закачали головами. Иванов шагнул к кабинке — он решил лететь один. И резко обернулся, почувствовав слабое прикосновение сзади.

Смертельно бледный Мак стоял перед ним.

— Иванов, я лечу с вами!

— Вы? — Иванов усмехнулся: — но вы... вы и теперь-то, как мертвец, выглядываете! Кроме того, мне нужен умеющий владеть пулеметом!

— Как раз я и умею это! Я, видите ли, служил в пулеметной роте. Не беспокойтесь — буду вам полезен. Я прошу вас, Иванов, мне очень важно!

Самолет был готов. Пропеллер крутился вовсю, мотористы придерживали машину за крылья. Иванов пристально всмотрелся в бескровное лицо и решительную осанку Мака и шагнул к кабинке.

— Хорошо, садитесь, если хотите — у меня нет выбора! Но предупреждаю, — крикнул он через плечо, — поднявшись, я уже не сажу вас! И еще — послушайте-ка! — он обернулся к натягивающему шерстяной шлем журналисту.

— Мы летим на смертельное дело! Лучше не иметь за спиной никого, чем иметь, простите, труса! Пулеметный бой — вещь ненадежная. Может быть, нам придется скапуться в этом деле. Я лучше сшибусь аппаратами, чем допущу гибель Юнкерса! Ну? Идете вы на это? Есть у вас достаточно силы? — крикнул Иванов в самое ухо Мака.

Мак, не отвечая, нахлобучил кожаный шлем и решительно занес ногу в кабину. Он прикрепил очки и начал застегивать ремни сиденья.

В эту минуту он переживал странные чувства.

Он знал, что в большей степени вся история произошла из-за него. Если б не он — не было бы истории с кладом, всей этой неразберихи, может быть, вообще не удалась бы затея фашистов. Он чувствовал себя невольным предателем, хотя с лучшими намерениями вел все дело. И он решил.

Он решил искупить свою вину. Что в том, что он никогда не поднимался на самолете? Что в том, что этот подъем будет, вероятно, последним переживанием его жизни? Он должен принести жертву рабочему делу... Он твердыми пальцами проверил патронную ленту и рычаги пулемета. Его бесстрашная смерть уравнивает легкомысленные поступки последних дней!

Самолет двинулся. Мак невольно ухватился за дрожащие борта, но сейчас же снова отпустил их. Сиденье тряслось все сильнее, темная земля бежала назад.

Потом земля стала падать. Сильный ветер резал лицо. Мак посмотрел вперед.

Рыжий верх плечей и неподвижная упрямая голова в черном шлеме вселяли бодрость и уверенность в победе. Гремел мотор — как будто стальные полосы ломались кругом. Сердце наполнилось дрожью и ярким, неожиданным восторгом.

Взглянув вниз, Мак быстро перевел глаза на спину спутника. Его голова кружилась — серый, огромный, качающийся провал — вот что представляла из себя далекая земля. Под ногами чувствовалась многосаженная пропасть.

Сердце вдруг остановилось, руки вцепились в борта. «Падаем». Мак накрыл глаза. В том же горизонтальном положении самолет резко осел вниз. «Точно в яму, конец», — мелькнуло у Мака. Но через секунду паденье прекратилось.

Впереди так же невозмутимо торчали плечи Иванова и кожаный шлем. Иванов продолжал спокойно вести самолет.

Темно-зеленая раскинувшаяся машина легко и свободно скользила в зеленоватых волнах рассвета...

А в другом месте, за полчаса перед этим, на черную поверхность луга с блещущим кругом костра, сел другой такой же самолет. К нему подбежала женщина в толстом пальто, с головой, укутанной в темный платок. Прекрасное лицо «дочери Добротворского» обострилось, глаза смотрели хищно и пронзительно.

Женщина села, укрепилась ремнями. Самолет, скользнув по траве, начал подниматься в воздух...

И в третьем месте — на далеком центральном аэродроме в Москве — третья летная машина — огромный трехмоторный Юнкерс, с сияющей рядом окон пассажирской кабиной, с широко размахнувшимися, вырастающими из корпуса, крыльями, с толстым безглазым лбом — принял десяток пассажиров.

Десять членов Президиума ЦИК, Совнаркома и Коминтерна летели на торжество выпуска эскадрильи «Ленин»! Они вошли в распахнутую дверцу и уселись в кожаных кре-

слах перед толстыми, гранеными стеклами окон. Юнкерс поднялся с земли.

С разных концов, с разными целями поднялись три крылатых машины, поднялись, чтобы встретиться в неизвестном месте голубой, необъятной пустыни. Толстый, медленный Юнкере — цель воздушной охоты, стройный хищник-самолет с таинственными виновниками всех событий последних дней и его преследователи — сам Иванов с замирающим, сжавшим зубы, твердо решившимся Маком на заднем сиденье.

Три самолета летели вперед и вперед, все больше приближаясь один к другому.

Из-за покатога края туманной земли подымалось огромное, оранжевое солнце.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

О том, чем кончилась воздушная охота

Так началось памятное многим состязание двух летных машин одной и той же постройки.

Город еще спал, ничего не подозревая, ни о чем ни думая. На залитом рассветным солнцем аэродроме — посреди тугой, уже наполняемой громом моторов равнины, растерянный дежурный, срочно вызванный начальник аэродрома и несколько поднятых с постелей летчиков — оживленно обсуждали возможности исхода.

Конечно, Иванов образцовый пилот, но удастся ли ему нагнать двойника, вылетевшего на полчаса раньше? Иванов вылетел... Юнкерс вылетел.... Фашист вылетел... На коричневой земле чертился небесный радиус и намечались возможные пункты скрещения трех линий. Но вычисления не показывали ничего хорошего — самолет-убийца должен был гораздо раньше перехватить Юнкерс с членами правительства...

На старте дрожали новые самолеты. Новые летчики готовились взлететь в высь — идти к месту уже разрешившейся катастрофы....

А эта катастрофа — драма в прозрачной высоте, на расстоянии двух верст от темной, смазанной земли — развернулась в таком порядке:

Первым заметил враждебную машину Мак. Черной, летящей в даль точкой она неслась далеко впереди. Вытянувшись вперед, до боли натягивая ремни сиденья, Мак изо всей силы крикнул об этом Иванову.

Иванов увидел тоже. Его рука твердо легла на регуляторы мотора. Самолет прибавил ходу.

Предельная скорость была 250 килом. в час. Теперь самолет летел именно с такой скоростью. Около четырех верст в минуту делала стальная птица! Мимо стеклянных щитков тонко свистел сжатый воздух, бодро, как старая рыцарская песня, гремел мотор, туманная пелена внизу неуклон-

но ползла назад. Иванов знал, что только он — друг и знаток своей машины — может придать ей такую предельную, ничем не замедляемую скорость!

Первые болезненные ощущения давно оставили Мака. Он старался не смотреть вниз — он смотрел вперед, в голубую, блестящую пустыню перед глазами. Казалось, все другое: и прошлая жизнь, и приключения в Медынске и даже сама цель полета — остались далеко позади. Было только одно — воздушный бешеный бег по голубым путям на механической птице. Мак целиком отдавался восторгу этого бега.

Впереди — на преследуемом преследователе — звонко и злобно вскрикнула женщина, пассажир второй кабинки. Ее тонкие пальцы вцепились в шершавую округлость пулемета — она увидела распластанное короткое тело Юнкерса, летящего навстречу.

Пилот — таинственный двойник Иванова — оглянулся через плечо. Сзади, узкой черточкой, стыл уверенный размах крыльев преследователя.

Настигают! Пилот прибавил ходу и посмотрел на пулеметы

Снизу вся картина имела такой вид:

С одной стороны солидно и мерно гремел медленный четырехместный Юнкерс. Ему навстречу быстро скользил воздушный хищник, с двумя крылатыми поверхностями, с темным, стройным телом. За ним в отдалении неся еще быстрее третий самолет — Иванова и Мака.

Фашист знал, что по летным качествам он уступает противнику. Авиатор-любитель, член первоклассного спортивного клуба, он все же не мог состязаться со старым профессионалом. К тому же у него было не полчаса, а всего минут десять выигрыша — спуск на уединенной площадке за пассажиркой заднего сиденья отнял немало дорогих минут!

Но безымянный двойник военлета знал и другое — знал, что все преимущества дела на его стороне. Толстый пассажирский самолет — прекрасная цель — облить его двойной струей пуль, сбить как бы попутно и нестись дальше — к

границе. В крайнем случае, будет еще время вернуться — снова обстрелять Юнкерс. Главное — удар должен попасть в цель... Не уменьшая быстроты полета, фашист продолжал нестись на быстро растущий в глазах самолет.

И в эту минуту сигналы радио, непрерывно даваемые со станции Медынского аэродрома, достигли приемника на Юнкерсе.

— Впереди враждебная машина! — забилося в голове пилота. — Покушение на членов правительства. Наш самолет следует по пятам. Бегите — выиграть время!...

— Каким образом? Покушение? — недоуменно медлил Юнкерс.

— Работа артистов. Украден самолет. Хотят сбить вас — сорвать торжество. Видна ли машина? Бегите, — упорно и отчаянно твердило радио.

И Юнкерс послушался.

Серебрянокрылая продолговатая коробка неожиданно повернулась и начала убежать назад. С сердечным замиранием сквозь гром мотора, ее пассажиры слышали слабое постукивание пулемета.

В шлифованные стекла окон правой стороны на мгновение метнулась черная тень крыла, бледное, сосредоточенное лицо в пилотском шлеме и рука женщины на рычагах пулемета. Потом грозное видение исчезло. Истребитель пронесся мимо.

Фашист повернул машину. Первый обстрел миновал цель — это произошло из-за крутого виража жертвы. Он бросился назад. Но в это время на дороге вырос новый враг — бьющий из двух пулеметов, подоспевший самолет Иванова.

Две вражеских машины сближались.

На одной был напряженно стиснувший зубы иностранец, женщина с толстым платком, надвинутым на злое, перекосенное лицо. На другой — спокойный, сросшийся с машиной Иванов, бледный Мак, вращающий пулеметом.

Вот как представились Маку последующие картины боя.

Когда они напали и отрезали фашистов, он привел в действие пулемет. Сжавшись, почувствовал, как над самым ухом свистнул смертельный ветер.

*Серебрянокрылая продолговатая коробка неожиданно повернулась
и начала убегать назад.*

Затем внезапно голубой небесный свод перевернулся — перед глазами очутилась черная поверхность земли. Замерло сердце и сдавило дыхание — Мак забыл все остальное, вцепившись руками в кожу кабинки и чувствуя, что только наличие сременных скреп спасает его от паления. Самолет выровнялся.

Совсем близко Мак увидел такое знакомое, но совсем чужое лицо Нины Павловны. Поддаваясь непонятному чувству, рванул рычаг пулемета. И вдруг самолет снова стал терять устойчивость — падать вбок, на правое крыло.

И до этого и после Мак знал, что во время воздушного боя применяется высший пилотаж. Но, только испытав его практически, он понял значение этого слова!

Когда вы чувствуете, что начинаете падать на спину и невольно хватаете воздух, когда видите, как ваш воздушный экипаж молниевидным штопором несется к смертельному черному дну, имя которому земля, когда, наконец, ваша машина начинает нелепо кувыркаться, теряя тяжесть и равновесие и когда вы уже не сознаете больше, что за штука эта черно-голубая путаница перед глазами — вы начинаете понимать, что воздушный бой совсем не такая простая и легкая вещь! То есть, конечно, такие мысли приходят вам в голову только много времени спустя!

Дело в том, что в продолжение самого боя вы не в состоянии думать ни о чем, во что-то вцепившись руками (после долго припоминается, во что) и имея в голове яркий и дикий танец. А в это время настоящий хозяин машины — Иванов — хладнокровно и тщательно выделяет всякие фигуры, стараясь сбить враждебную машину.

И в конце концов ему удается это. После одного из поворотов самолет фашистов начинает, крутясь, падать вниз.

Он не планирует, не падает размеренными зигзагами или быстрой спиралью — он просто кувыркается, как попало, на фоне далекой земли. И, выровняв самолет, высоко в прозрачном небе, Иванов смотрит на побежденного врага.

Он видит: машина фашистов становится все меньше и меньше, почти сливаясь с землей, достигает этой земли. Иванов выключает мотор, берет ручку на себя, начинает быстро планировать на землю.

На земле выясняется:

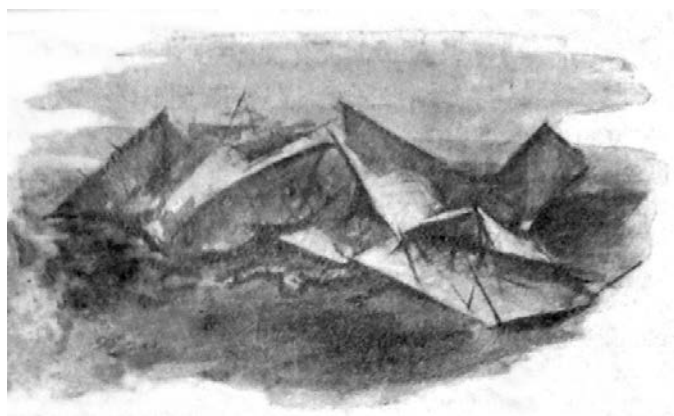
Мак не может сразу вылезти из кабинки — него странная, расслабленная дрожь во всем теле. Одна рука — левая — покрыта сочащейся кровью и двигается с трудом — прострелена мякоть плеча. Иванов стягивает ее платком. Оба бегут к разбитому самолету.

Украденная советская машина не взорвалась и не сгорела, коснувшись земли. По всей вероятности, двойнику Иванова удалось в последний момент выключить мотор.

Но самолета, как такового, уже не существует.

Вместо него груда торчащих во все стороны, бесформенных обломков, обрызганных темной кровью и пропи-

танного запаха бензина. Из-под обломков выступает мертвая рука и исцарапанное лицо, как две капли воды похожее на лицо человека, стоящего здесь же. Иванов отворачивается с невольной дрожью. Отворачивается и Мак: под обломками крыла он увидел круглое обнаженное колено и конец ноги дочери Добротворского.

Вместо него гряда торчащих во все стороны, бесформенных обломков.

В голубом солнечном небе на северо-востоке исчезает блестящая точка, эскортируемая тремя черными точками подоспевших самолетов. Мак и Иванов идут к своей машине.

Иванов пускает мотор, Мак, чувствуя приступ странной тоски и новой слабости, укрепляется на заднем сиденье. Самолет-победитель летит к далекому, просыпающемуся Медынку.

Там, в Медынске, в одном из маленьких домов маленькая Маруся лежит на кровати, зарывшись в подушки годовой. Она ждет исхода воздушного боя. Скоро она узнает все и, счастливая, обнимет своего освобожденного от подозрений мужа.

Не так скоро, но все же узнают об всем случившемся и жители далекого, дымного, вздымающегося воздушными

путями и небоскребами города. Двенадцать джентльменов за черным столом почтят молчаливым вставанием память тринадцатого, погибшего члена собрания, и прекрасной эмигрантки, предложившей свои услуги «правому» делу. Двенадцать джентльменов будут обдумывать новые планы, направленные против ненавистой республики рабочих...

На рассвете этого дня, в присутствии Фенина, Маруси, представителей ГПУ и милиции, дрожащий, заламывающий руки профессор Добротворский рассказывал историю клада, своей мнимой дочери и таинственного двойника Иванова.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

О том, что показал на допросе профессор

Месяца за три до описанных выше событий, английский джентльмен сэр Джон Кэрч выезжал в Советскую Россию по делу научно-исследовательского характера. Отправление должно было состояться в среду утром. Вечером во вторник скромно одетый молодой человек неопределенной наружности сел на кончик глубокого кожаного кресла, сбоку письменного стола в полутемном кабинете.

За самым столом громоздилась грузная фигура в черном, с пожелтевшей белой розой в петлице. Человек говорил раздельно и медленно, вперив глаза в граненый край стеклянной чернильницы.

— Итак, мистер Аткинс, вы едете в недра страны, изучение которой ...гм... является одной из основ деятельности нашего братства. Членом-соревнователем этого братства вы имеете честь состоять! Вероятно, вы помните устав... каждый удобный случай, каждый подходящий момент должен быть использован вами в общих интересах. Вот некоторая сумма, ассигнованная вам лично. В случае же удачных сообщений...

В среду утром сэр Джон Кэрч выехал из Лондона. Через N-ное количество дней он прибыл в Медыньск со своим личным секретарем.

Это прибытие и все пребывание в городе было обставлено предельной тайной. Англичанин, едущий на поиски советского клада, предпочел не подвергать свое имя возможной широкой огласке.

Дело было сделано ловко и незаметно. Мешок с золотом лежал в неприкосновенности в обозначенном по плану месте. Англичанин честно поделился с профессором, уплатив советскими деньгами стоимость царского золота. Как выяснилось потом, профессор и не подозревал сначала, что принимает участие в чем-то, очень похожем на госу-

дарственное преступление. Старые знакомые расстались, чтобы не встречаться больше никогда.

Маленькая заминка произошла с секретарем Кэрча. Случайно увидав одного из медыньских красных летчиков, он задался упорной мыслью получить его портрет. Но портрета Иванова в местных фотографиях не оказалось.

Оставалось сделать новый снимок, конечно, тайно, во избежание расспросов и подозрений. Для этого Аткинсу удалось даже убедить своего патрона на лишний день отложить отъезд из Медыньска.

В этот последний день представился удобный случай — военлет зашел с товарищем в пивную.

За три рубля заведующий, заверенный, что это только милая шутка приятеля, разрешил Аткинсу устроиться за дверью смежного помещения. В весеннем, солнечном свете лицо Иванова выступало очень ярко. Легкого щелканья аппарата за дверью не услышал ни один человек...

Хозяин не знал, конечно, членом какого общества состоял маленький фотограф. Он не знал, что Аткинса поразило полное сходство лица Иванова с лицом одного из членов президиума «всадников ветра». Снятый портрет должен был служить вещественным подтверждением этого странного совпадения.

Затем англичане, нагруженные золотой наличностью, спокойно уехали в Москву.

Но тут то и началось самое главное.

Дело в том, что в Москве, остановившись в одной из гостиниц, сэр Джон умер от разрыва сердца.

Благодаря своей близости к нему, Аткинс первым узнал об этом печальном событии.

Он вошел в номер своего начальника и увидел его, неподвижно сидящего на кровати в халате и в ночных туфлях. Лысая голова была опущена на грудь, безбровые, серые глаза мутно смотрели в пол. Аткинс коснулся его плеча — тучный англичанин начал клониться вбок. Он был мертв, мертв, как конституция Северо-Американских Соединенных Штатов!

*Он был мертв, мертв, как конституция Северо-Американских
Соединенных Штатов!*

Будучи человеком неопределенной наружности, Аткинс, тем не менее, имел очень твердые правила жизни.

Он понимал — мертвому не нужны бранные блага нашей земли, в то время как живому они могут принести вещественную пользу! Он взял маленький тяжелый чемоданчик из багажа Кэрча и незаметно перенес его в свой номер. Потом, вернувшись в комнату Кэрча, поднял шум и заявил о смерти своего патрона.

И снова прошло N-ное количество дней.

Аткинс сидел в кабинете человека с белой розой и излагал ему подробности дела. Опустил он только одну незначительную подробность — подробность с золотым мешком.

Человек за столом поднял желтое, мешковатое лицо к несколько минут испытующе смотрел на собеседника. Потом уверенно положил на стол руку в белой перчатке.

— Мистер Аткинс, вы сказали не все! — медленно произнес человек с белой розой.

— Клянусь честью... — подскочил Аткинс на стуле.

— Бросьте клясться несуществующими вещами. Вы сказали не все! Неужели же вы будете уверять, что оставили золото большевикам! Если вы скажете — да, вы солжете! —

— Честное слово... то есть нет, сэр! Да, я, конечно... конечно, было бы позорно оставить деньги этим варварам... Если братство требует, я готов... уступить часть... — совсем завял Аткинс.

Человек во фраке сделал плавный жест.

— Успокойтесь, братство не нуждается в этих грошах. Нам нужно другое...

Братство ценит вашу сметливость и рвение. Вы доставили нам портрет двойника одного из «всадников ветра». Это хорошо. Мы подумаем, как использовать его. Кроме того, вы передадите мне записки этого летчика и все к ним относящееся. Понятно? Наконец, будьте готовы подвергнуться небольшому допросу...

И вот в полутемном кабинете и в большом зале, вокруг черного стола стал созревать план очередного удара по разливающейся в мире красной опасности.

Через два месяца в Медынске состоится торжественный выпуск красной эскадрильи. Если выпуск будет сорван каким-нибудь несчастьем — это будет славный ход братства! Но с какой стороны? Взрыв заводов — но ведь это трудно-исполнимо! Пожар аэродрома? Тоже самое! Разве только в известной комбинации — например: взрыв, сопровождаемый убийством членов правительства. Да, пожалуй, это подходящее дело.

На последующих заседаниях тринадцать джентльменов начали обсуждать подробности предприятия.

Нападение в воздухе — это, конечно, лучший исход. Полная беззащитность жертвы, легкость бегства, сравнительная несложность выполнения... В это же время в городе... Участники обеих частей дела должны действовать самостоятельно!.. Не хватало только некоторых деталей. Эти детали принесла сама жизнь — принесла в лице женщины, известной нам под именем Нины Павловны Добротворской.

Ее первое соприкосновение с братством произошло в несколько необычайной форме.

Был обычный лондонский вечер — над городом вис молочный туман, фонари и квадраты витрин мутными пятнами проступали в белом мраке. По тротуару медленно постукивал тростью солидно одетый человек. Он остановился у одной витрины. Его внимание привлекла фигура, неподвижно стоящая в ярком свете, отбрасываемом шлифованным стеклом.

Это была женщина, зябко кутающаяся в резиновый макинтош. Бросив новый взгляд, джентльмен увидел молодое лицо, прозрачный синий зрачок и свежий красный рот. Он уже прямо стал всматриваться в нее. Она перешла к соседней витрине.

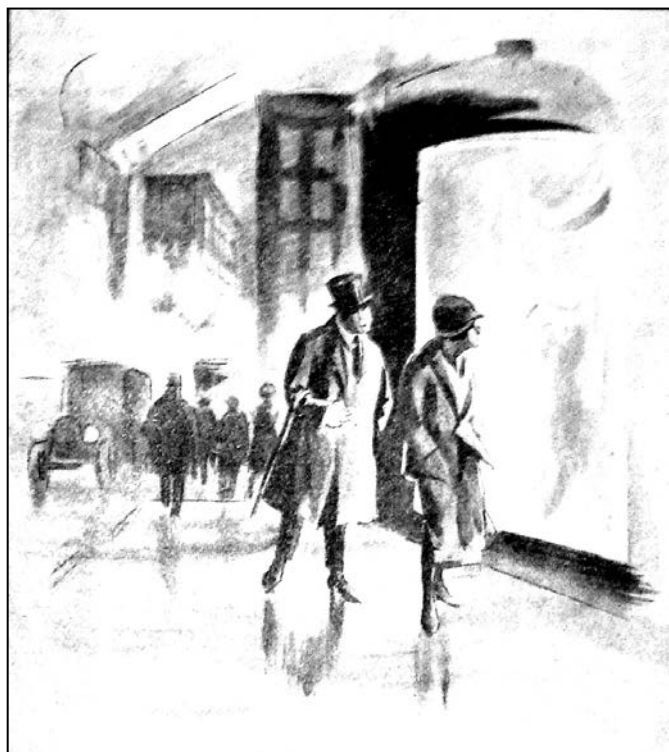
Джентльмен снова стал рядом. Женщина оглянулась, нащупывая глазами полисмена. Господин с тростью сделал успокоительный жест.

— Подождите, мисс! Поверьте, я не имею к вам никаких притязаний эротического — гм — характера. Мое дело серьезней. По некоторым признакам могу определить, что вы русская? —

Женщина удивленно кивнула головой.

— Вы русская, находитесь без приюта, следовательно, вы эмигрантка! Не будем входить в подробности. Может быть, вас бросил последний любовник, может быть, вы сами ушли от него. Поверьте, — джентльмен не обратил внимания на возмущенный жест собеседницы, — это не интересует меня! Меня занимает, насколько вы смелы и находчивы и насколько не любите теперешнюю Россию!—

— Ненавижу! — горячо вырвалось у женщины.

Она перешла к соседней витрине.

— Мисс, как вы вероятно заметили, я обладаю замечательной способностью угадывать некоторые вещи. Я оценил

в вас особу, подходящую для моего дела. Встреча с вами навела меня на удачную мысль. Разрешите познакомить вас с некоторыми фактами.

Мисс, я председатель братства «всадников ветра», братства, тайным образом входящего в общую организацию британских фашистов. Однако, у нас выговорено право действовать вне зависимости от общих уложений.

Значительные капиталы некоторых членов нашего братства, всецело предоставленные в наше распоряжение, позволяют нам довольно — гм — успешно проводить свою работу.

Наша цель — уничтожение и сведение на нет коммунизма путем его полного дискредитирования! Большевики отрицают свою причастность к террористическим актам — мы устраиваем так, что многие из них, устроенные специально нами, приписываются работе Коминтерна! Может быть, вы слышали о неудачном покушении на турецкого премьера, о покушении, повлекшем за собой массовые аресты левых? Может быть, помните взрыв в Аргентине? Другая часть нашей работы протекает в несколько иной плоскости...

Мы предлагаем вам принять участие в одном деле, для проведения которого нужно ехать в саму Россию. Думаю, что, будучи в некотором роде обиженным лицом, желая отомстить и, в то же время испытывая некоторые финансовые — гм — затруднения, вы не откажетесь пойти на наши условия!

...Следующие дни протекли для будущей Добротворской в крайне противоестественных занятиях...

Она поселилась в глухом имении, среди столетнего парка. Ежедневно из этого имения неслась гулка и частая стрельба — прекрасная незнакомка училась владеть пулеметом. Потом в этом же парке начались полеты.

Все это знали местные власти, но разве богатый пэр — владелец многих акров земли и леса — не имеет права позволить себе некоторые причуды?

И через три недели женщина, найденная благодаря гению председателя «всадников ветра», в изящном дорож-

ном костюме, с документами Нины Павловны Крамской, урожденной Добротворской, в кармане, отправилась в далекий путь. Она ехала к своему нежно любимому отцу — профессору Добротворскому, который, ничего не подозревая, не чувствуя нависшей над ним тучи, спокойно жил в далеком, маленьком Медынске.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

О том, что показал на допросе профессор

(Продолжение)

Людам, заранее обдумавшим каждую мелочь медынских событий, картина их проведения в жизнь рисовалась в довольно несложном виде.

Нужно во что бы то ни стало отвлечь Иванова — оригинал фотографии — из города в ночь кражи самолета. Он должен быть непременно удален в эту ночь, ничто не должно испортить выполнение плана! Способ такого отвлечения подсказывала сама жизнь — нужно заинтересовать его предотвращением мнимой кражи народных денег, денег, тайно похищенных и увезенных месяца полтора назад. Нужно кровно вовлечь его во всю эту историю!

Но уже в процессе выполнения этого плана явились новые возможности: встреча с Маком натолкнула женщину на мысль сделать его невольным пособником всего дела, прельстив своей полуоткровенной доступностью. Находка Маком портрета дала мысль набросить тень на самого Иванова. В письмо профессора была вставлена фраза о его знакомстве с военлетом. Случай с выстрелом еще больше укрепил эту попытку, но фашисты не рассчитали одного: не рассчитали проницательности и огромной выдержки самого Иванова, не пошедшего на приманку...

С момента приезда Добротворской в Медыньск, показания профессора принимают наиболее нервный и запутанный характер.

Общая ясная картина превращается в ряд бессвязных обрывков с сильной примесью истерии. Появляется масса недомолвок, жалобных восклицаний, обвинений по неизвестному адресу. Только комбинируя и сопоставляя все эти моменты, мы можем построить такую приблизительную картину случившегося:

Когда «Нина Павловна» приехала в Медыньск, сопровождаемая полувлюбленным Маком, она взяла извозчика и, уже в одиночестве, подъехала к жилью человека, которого не видела никогда в жизни. Профессор, по обыкновению, сгибался над чертежами в своем кабинете. Открыла калитку уже знакомая нам полусонная баба.

Нина Павловна дала прислуге рубль, приказала провести себя в дом и сообщить хозяину, что с ним желает говорить неизвестная дама.

Добротворский появился в обычном виде, с поднятым, запахнутым на голой шее воротником, с припухлыми от утомления глазами, с всклокоченным венчиком рыжих волос. Он остановился в дверях и с недоумением уставился на удобно расположившуюся среди комнаты посетительницу.

— Профессор, — чарующим, звонким голосом сказала Нина Павловна, — потрудитесь услать куда-нибудь прислугу и уделить мне для разговора пять минут!

Профессор продолжал щуриться, не двигаясь с места. Нина Павловна подошла к двери и, убедившись, что с этой стороны нет никакой опасности, снова вернулась на место.

— Ну, хорошо! — она игриво закинула ногу на ногу. — Эта женщина далеко и не услышит! Дело в том, что я должна сообщить вам неприятную новость. С этого дня в течение некоторого времени вы должны принять меня и содержать в качестве вашей единственной дочери!

— Моей дочери? — профессор испуганно схватился за дверь. — Но у меня нет дочери! Уверяю вас, у меня никогда не было и не будет дочери! — профессор опасливо покопился на чемодан приезжей.

Нина Павловна засмеялась снова звонко и зазывающе.

— Не будет? Вы так уверены в этом? — Она вдруг легко вскочила со стула. Подняв в ужасе руки, профессор отступил в угол комнаты. — Но, дорогой мой папочка, ведь я так люблю вас! Ведь мы не виделись так давно! Профессор, шутки в сторону! — серьезно заявила она, заслоняя собою дверь. — Хотите вы или не хотите временно принять меня в качестве своей дочери?

Нина Павловна засмеялась снова звонко и зазывающе.

— Но это нелепо! Я не сделаю ничего подобного! — говорил Добротворский плачущим голосом. Он тяжело опустился на стул, ещеносящий легкий аромат ее заграничных духов.

— Профессор, — продолжала посетительница, — у вас отрезаны все пути, вам нет выхода. Вы украли и, вероятно, уже частью истратили государственное имущество — золото СССР. У меня все документы — ваша переписка с Джоном Кэрчем и остальное. Вы знаете, какое наказание следует за такое преступление? Да, кроме того, — переменила она тон, — вам, вероятно, мало полученных денег. Вам нужно еще. Я могу предложить вам пять тысяч наличными, а в случае отказа...

— Но з-з-зачем же? Зачем? — заморгал глазами профессор. — И в какой мере...

— Вы останетесь совсем чисты в этом деле, — спокойно сказала незнакомка. — Нам — мне и моему другу — он прибудет сюда под именем Кэрча, который — к вашему сведению — скоропостижно умер в Москве — необходимо некоторое время инкогнито пробыть в городе. Сказать начистоту — нужны некоторые снимки аэродрома и аэропланов. Мы исчезнем, как пришли, а вы получите назад ваши письма и еще порядочную сумму денег.

Профессор был поставлен в тупик таким прямым нажимом. Ему — жалобно признавался он — не оставалось никакого выхода. К тому же, на очереди был ряд срочных чертежей. И с закрытыми глазами, стараясь не думать о будущем, он отдался течению событий.

Он принял свою мнимую дочь, отвел ей одну из комнат, так же покорно встретил мертвеннолицего двойника Иванова и снова ушел в свои выкладки и вычисления.

Тревога снова начала мучить его только после случая с ночной стрельбой.

В первый раз он понял серьезность создавшегося положения.

К тому времени он знал уже все, кроме главной цели фашистов и кроме того подвоха, который готовят за его спиной. «Всадники ветра» решили выставить его главным

организатором убийства — обиженным тружеником науки, мстящим власти за несчастья поруганной родины.

Только в ночь покушения, перед самым отлетом фашистов, Добротворскому открылся истинный смысл замышляемого.

Он узнал об этом совсем случайно.

Он делал последние — чистовые — вычисления предельной быстроты ракеты. Была глухая ночь. Его лампочка внезапно потухла. Она перегорела. Лишняя лампа находилась в кухне — профессор двинулся за ней. Дорога лежала мимо комнаты его мнимой дочери.

Из-за дверей доносился горячий спор вполголоса. Спор шел о нем самом. Уловив несколько слов, профессор замер у двери. Голос Нины Павловны говорил:

— Сказать откровенно, мне жалко старика. Одно — мстить ненавистной власти, другое — подводить своего же брата! Подумайте — он ведь и не подозревает, какую тяжесть мы взваливаем ему на плечи! Убийство членов правительства — подумайте! По-вашему, что сделают с ним за это?

— Расстрел! — мрачно и уверенно прозвучал голос двойника Иванова.

У прижавшегося к замочной скважине хозяина застучали зубы и завертелось в глазах. Он продолжал слушать:

— Я нахожу,— горячо сказала его защитница, — что мы не должны допускать ничего подобного. Сейчас же все сообщим ему! Пусть уезжает и где-нибудь спрячется пока! Нам хорошо, собьем Юнкерс, перелетим границу, а он...

— Это невозможно! Во-первых, он трус и выдаст нас, а во-вторых, «всадникам ветра» выгодно выставить акт, как протест угнетенной интеллигенции. Профессор -- главный организатор, летчик и этот журналист — сообщники. Никто не поверит истории с двойником, Добротворского расстреляют...

Профессор чувствовал густую чернильную тушь в глазах и сухую оберточную бумагу вместо языка. Бежать в милицию... Предотвратить... Но с ужасом он увидел, что неоправимое совершилось — его дрогнувшая рука уперлась в дверь, и белая поверхность начала отходить внутрь.

Оттуда слышались быстрые шаги! Дверь распахнулась — в ней стоял англичанин с плоским свирепым лицом. Профессор бросился бежать.

Он услышал прыжок и отчаянный крик сзади. Толстые пальцы сдавили его шею. Задышавшись, он опустился на пол.

Он очнулся в полной темноте, со всех сторон стянутый веревками. В соседней комнате снова шел разговор. Разговор сразу замолк.

За окном слышалось падение тяжелого тела. Наступил внезапный свет. Двое сообщников внесли в комнату и положили рядом труп Иванова. (По безвольности и неподвижности тела профессор был уверен, что это именно труп).

Так заканчиваются показания Добротворского. Дальше он не видел ничего — ничего, кроме сквозного мрака грязной тряпки, сжимающей его веки. Его куда-то тащили, рядом с ним положили другое тело. Снаружи щелкнул замок. А затем последовало то, о чем уже знают читатели этой книги.

С окончанием этого допроса, кончается роль профессора в нашей истории. Но в заключение автору хочется привести те несколько слов, которыми закончил Добротворский свои показания:

— Я знаю, что мне грозит расстрел, — слабым голосом сказал Добротворский, сдерживая нервную дрожь губ. — Я знаю, что виноват перед властью. Но прошу отложить на неделю исполнение смертного приговора. Я заканчиваю последние чертежи реактивной ракеты, вполне осуществимой в наших условиях. После их окончания... — у профессора перехватило дыхание. Он закрыл лицо руками...

Автор должен отметить, что недельного срока далеко не хватило для окончания работ. В камере одиночного заключения скромный сын науки уже много месяцев делает все новые и новые схемы. И, кажется, до сих пор реактивная ракета остается делом далекого будущего. Автор боится, что и к концу наказания — трехгодичного заключения, к которому был приговорен Добротворский — его работа останется на той же, прежней степени развития.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

О том, как взлетела эскадрилья «Ленин»

— На этой машине должен был взлететь Иванов, — сказал Мак сидящему рядом Фенину.

Они находились внутри ограды аэродрома, в первых рядах наскоро сколоченных скамей для зрителей. Перед их глазами, далеко на ровной темной площади выстроился ряд новых машин с копошащимися около людьми. Одна за другой, медленно и плавно, сверкая пропеллерами в утреннем солнце, поднимались в высь распластанные птицы — самолеты новой эскадрильи.

Летнее блестящее небо неподвижно гремело мерным боем мощных моторов. Самолеты взбирались выше и выше, выстраивались один подле другого, составляли какой-то сложный узор.

— Слушайте, Фенин, — нервно опустил Мак здоровую руку на плечо маленького техника, — честное слово, я считаю, что этот Иванов замечательный человек. Он герой, герой в подлинном смысле слова. Такая выдержка, такая сила характера! Смотрите, после всех этих ночных пердряг, после воздушного боя он находит силу подниматься для таких сложных полетов! Я удивляюсь ему! Это человек без нервов, Фенин! — восторженно закончил Мак.

Фенин задумчиво смотрел в рокошующее небо.

Уже все самолеты — три десятка сияющих новизной, стройных аппаратов — сверкали и передвигались в бесконечной синей пустыне. Фенин перевел глаза на Мака.

— Иванов совсем не герой! — медленно и задумчиво сказал Фенин, — то есть, если хотите, герой, но герой в новом, далеко не в прежнем смысле слова. К примеру сказать — вот мы видели его садящимся внутрь, видели, на какой машине он поднялся. А теперь... теперь он один из многих, безымянный всадник самолета, там, высоко наверху. Так примерно и в жизни...

Фенин помолчал.

— Смотрите, — заговорил он снова, — конечно, Иванов ловко прошел всю историю, проявил себя с исключительно хорошей стороны. Но это только случай, слепой, неверный случай, что он, а не кто-нибудь другой оказался похожим на того, убитого утром! Если б судьба — по старому миру выражаясь — взяла в переплет другого кого, — другой поступил бы на месте Иванова так же — более-менее удачно, конечно. Нет, вы совсем не правы, товарищ — Иванов не герой, Иванов только представитель нашего класса — крепкого, пришедшего к власти, закаленного в боях пролетариата!

Его слова прервал восторженный гул и рукоплескания пестрой толпы — людей, сидящих за их спиной, плотным слоем столпившихся вокруг ограды. Все эти люди устремляли вверх светлые пятна восторженных лиц. Фенин и Мак взглянули тоже.

Уверенно режущая воздух эскадрилья выстроилась в четкую фигуру. Самолеты медленно летели над толпой, как бы вбирая в себя мысли и чаяния всех этих стоящих внизу. В строгом порядке, вытягиваясь в кривые линии, изменяя местоположение, они буква за буквой составляли огромное, выступающее на небесном фоне, слово. И это слово было — ЛЕНИН — гордое название первой оригинальной боевой эскадрильи СССР.

Призывный рев громкоговорителя, установленного в центре аэродрома, перенес общее внимание сюда.

Из черного рупора рвались отрывистые, гулкие слова речи. С деревянной, украшенной красным трибуны говорил маленький рабочий — один из членов ЦИК'а, прибывший на торжество из Москвы.

— Товарищи, — хрипло выкрикивал усилитель, — мы присутствуем на большом торжестве — торжестве демонстрации мощи и величия нашего воздушного флота. Этот праздник чуть было не омрачило покушение фашистов — благодаря усилиям некоторых товарищей, контрреволюционная попытка пресечена в корне. И теперь — перед лицом этой стаи красных орлов, одной из многих стай нашей республики, я говорю: наш воздушный флот — залог победы

трудящихся всего мира. Товарищи, будем строить этот флот — лучшее орудие борьбы и лучшее средство сообщения!

Высоко над головами собравшихся быстро перестраивались самолеты. Вот один стал медленно обходить другие, вот целая линия изогнулась в причудливый узор. На голубом, сверкающем небе буква за буквой появилось и снова исчезло одно многозначительное слово: «АВИАХИМ».

ОБ АВТОРЕ

Николай Николаевич Панов, будущий «Дир Туманный», родился в 1903 г. в Козельске в семье податного инспектора. Окончил Московский институт журналистики (1922), факультет права МГУ (1928).

Дебютировал в литературе в 15-16 лет, в 1920-1922 гг. организовал группу презантистов, позднее входил в Литературный центр конструктивистов. В 1920-х гг. публиковался под псевдонимом «Дир Туманный».

Первой книгой Панова стал довольно яркий, но незрелый и отмеченный самыми разнообразными влияниями сборник «Московская Америка» (1924). За ним последовали сборники «Человек в зеленом шарфе» (1928) и «Враг своей тени» (1931).

Параллельно Панов работает и в прозе: его нишей как прозаика становятся главным образом «революционные приключения» в традиции «красного Пинкертона». Он публикует романы приключений «Дети Черного Дракона» (1925) и «Тайна старого дома» (1928), роман с элементами фантастики «Всадники ветра (Двойники)» (1925), повести «Американские фашисты» (1924) и «Черное золото» (1925). Произведения Панова отличались достаточной правотоверностью. Как указывала в 1939 г. «Литературная энциклопедия», писатель «изображает подпольную работу русских большевиков («Тайна

старого дома”), деятельность иностранных компартий, крепнущих в борьбе с империалистической реакцией, рост революционного сознания в Америке, Китае (“Дети черного дракона” и др.), разоблачает происки классового врага на советских предприятиях (“Черное золото”)».

Опыты в фантастике Панов продолжил в рассказе «Юбилей доктора Фрайса» (1930) и в ряде стихотворений о «будущей Москве» («В будущей Москве», «Путешествие в Москву», 1934-7). В тридцатых годах были изданы стихотворные сборники «Ночь влюбленных: Поэмы» (1934), «Новеллы» (1935), «Стихи и новеллы» (1937), поэма «Командир танка» (1937), «Избранное: Стихи, новеллы, поэмы» (1940).

В 1941-1943 гг. Панов был военным корреспондентом, возглавлял литературный отдел газеты Северного флота «Краснофлотец», участвовал в боевых походах кораблей Северного флота.

С тех пор Панов выступал в основном как писатель-маринист и автор книг о военных морях. Опубликовал книги «Боцман с “Тумана”» (1948), «Страстное желание» (1952), «Колокола громкого боя» (1959), «В океане» (1957), «Повесть о двух кораблях» (1957), «Орлы капитана Людова» (1963), два сборника избранных стихотворений и поэм (1956, 1964) и др.

Скончался в 1973 г.

Роман «Всадники ветра (Двойники)» публикуется по первоизданию (М.: Авиакхим, 1925) с исправлением очевидных опечаток и ряда устаревших особенностей орфографии и пунктуации. Иллюстрации, автор которых в книге не указан, взяты из первоиздания.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.